

Никколо Макиавелли

Его Светлости Лоренцо Медичи*

Соискатели милостей какого-нибудь государя имеют обыкновение угождать ему подношением самых дорогих своих вещей, а равно и тех, которые, на их взгляд, могут быть ему приятны; поэтому чаще всего государи получают в подарок скакунов, оружие, златотканую парчу, драгоценные ткани и тому подобные украшения, подобающие их званию. И вот я, желая представить Вашей Светлости свидетельство моей глубочайшей преданности, не нашёл среди своего добра ничего более дорогого и полезного, чем разумение деяний великих людей, приобретённое вследствие длительного испытания современных дел и непрерывного изучения древних. Тщательно обдумав и пересмотрев свои мысли, я собрал их в небольшой книжке, которую и посылаю Вашей Светлости.

Хотя я и не считаю этот труд достойным Вашего внимания, [однако] надеюсь, что по своей доброте Вы не отвергнете его, ведь это драгоценнейшее с моей стороны подношение позволит Вам за ничтожное время усвоить всё выношенное мной на протяжении долгих лет среди стольких скорбей и опасностей. Я исключил из своего сочинения риторические ухищрения, громкие и звучные слова, любые другие внешние приманки и украшения, которыми многие уснащают и усовершенствуют свои писания, ибо я желал, чтобы оно привлекало к себе только разносторонностью взгляда и важностью предмета и ничем другим. Не следует считать самонадеянностью притязание человека низкого и даже ничтожного состояния судить и устанавливать правила поведения для госудаМедичи Лоренцо ди Пьеро (1492–1519) — герцог Урбинский, правитель Флоренции в 1513–1519 годах.

рей. Художники, зарисовывающие местность, располагаются внизу на равнине, чтобы присмотреться к характеру гор и возвышенностей, а чтобы обозреть низменности, забираются на вершины. Точно также, чтобы постичь характер народа, необходимо быть государем, а распознать природу государя может только человек из народа.

Итак, пусть Ваша Светлость отнесётся к этому небольшому подарку с тем же чувством, что и я; внимательно прочитав это сочинение, он убедится в моём горячем желании, чтобы Ваша Светлость достиг того величия, которое обещано ему фортуной и его высокими достоинствами. И если с высоты своего положения Ваша Светлость иной раз устремит взгляд вниз, он увидит, сколь мало заслужены мной сыплющиеся на меня тяжкие и непрестанные удары судьбы.

Глава I. Какого рода бывает режим личной власти и какими способами она приобретается

Все государства, все правительства, когда-либо главенствовавшие над людьми, подразделяются на республики и принципаты. Последние бывают либо наследственными, в которых долгое время царила династия их властителей, либо новыми. Новые принципаты могут быть таковыми в целом, как Милан при Франческо Сфорца*, либо могут быть присоединены к наследственным владениям приобретшего их государя, как королевство Неаполитанское, завоёванное испанским королём*. Эти новообретённые территории либо уже приучены подчиняться единоличному правителю, либо до этого пользовались свободой; присоединяют же их либо силой собственного оружия, либо с чужой помощью, либо волею судьбы, либо благодаря своей доблести.

Сфорца Франческо (1401–1466) — граф, кондотьер, в 1441 году женился на дочери Филиппо Марии Висконти; после его смерти воевал на стороне Амброзианской республики, учреждённой в Милане; в 1450 году провозгласил себя герцогом Миланским.

Имеется в виду Фердинанд Католический.

Глава II. О наследственных принципатах

Я оставляю в стороне размышления о республиках, потому что много занимался этим в другом месте*. Обращусь единственно к принципату и, следуя вышеизложенному плану, рассмотрю, каким образом можно поддерживать и сохранять единоличную власть.

Прежде всего скажу, что наследственные владения, привычные к государям, происходящим из одного рода, гораздо легче удержать, чем новые, ибо достаточно не нарушать обычаев своих предшественников и следовать за ходом событий. Государь средних способностей в этом случае всегда сохранит свой трон, если только он не лишится его из-за вмешательства некоторой чрезвычайной и неодолимой силы, но и после этого он сможет вернуть себе власть, едва только захватчик столкнётся с малейшими трудностями.

У нас в Италии, *in exemplis**, герцог Феррарский сумел противостоять нападкам венецианцев в 84 году, а также папы Юлия в 10-м только благодаря тому, что его «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» — предположительно речь идёт о 18 первых главах, которые могли быть написаны до «Государя». Впрочем, упоминание о «Рассуждениях» могло быть и более поздней вставкой в готовый текст «Государя».

семейство давно укоренилось в своих владениях*. У природного государя меньше причин и меньше поводов для нанесения обид, поэтому его больше любят, и если бросающиеся в глаза пороки не навлекают на него ненависти, то он пользуется естественным расположением подданных. В древности и непрерывности властвования гаснут все помыслы и поползновения к новшествам, ведь один переворот всегда оставляет зацепку для совершения другого.

Имеются в виду два герцога Феррарских — Эрколе I д'Эсте (1431–1505), герцог Феррарский (1471–1505), потерпевший поражение от Венеции в «соляной» войне в 1484 году, и его сын Альфонсо I.

Глава III. О смешанных принципатах

Новый государь, напротив, сталкивается с трудностями. Прежде всего, если он присоединил новые владения к старым и тем самым образовал некое смешение, его положению угрожает первый естественный недостаток, присущий всем новым государствам и заключающийся в том, что люди охотно меняют правителей в надежде на лучшее, а потому часто восстают против них, но затем убеждаются на опыте, что они обманулись и стало ещё хуже. А это вытекает из другой естественной и обыкновенной потребности, заставляющей нового государя притеснять своих подданных вооружённой рукой и другими способами, как это делают завоеватели, так что твоими врагами становятся не только противники твоего воцарения, но и с его сторонниками ты не можешь сохранить дружбу, ибо не сможешь ни оправдать их ожидания, ни прибегнуть против них к сильнодействующим лекарствам, будучи им обязанным. Ведь для вторжения в чужую страну даже располагающий сильным войском государь должен обеспечить себе содействие её жителей. Вот почему Людовик XII Французский легко захватил Милан и тотчас же его лишился, для чего на первый раз хватило собственных сил Лодовико*. Те же горожане, что открыли ворота перед королём, разочаровавшись в своих надеждах на будущие блага, которых они ожидали, не могли вынести неудобств нового правления.

Речь идёт о Лодовико Моро.

Правда и то, что, покорив мятежные области вторично, труднее потерять их, потому что под предлогом подавления мятежа правитель может укреплять свою власть с меньшей оглядкой, наказывая провинившихся, выявляя неблагонадёжных и защищая наиболее уязвимые места. Так что если в первый раз достаточно было герцогу Лодовико устроить на границе небольшой переполох, и Франция лишилась Милана, то на второй весь мир должен был объединиться против неё и разгромить или изгнать её войска из Италии; и всё это объясняется вышеназванными причинами. Тем не менее оба раза Франция лишилась своего приобретения. Общие причины,

почему это произошло в первый раз, мы уже обсудили. Остаётся сказать о втором случае и рассмотреть те средства, которыми располагал французский король и всякий, кто находился бы на его месте, чтобы закрепить за собой завоёванное. Скажем, что завоёванные области, присоединяемые к прежним владениям завоевателя, либо составляют с ними одну страну и их население пользуется тем же языком, либо нет. В первом случае их совсем нетрудно удержать, особенно если они не привыкли к свободной жизни. Чтобы обезопасить себя, достаточно пресечь род правивших там государей, ибо других поводов для волнений, в силу общности обычаев и сохранения прежнего образа жизни, у населения не будет. Это можно было наблюдать на примере Бургундии, Бретани, Гаскони и Нормандии, которые с давних пор входят в состав Франции, и хотя язык их жителей несколько отличается, тем не менее они ладят с другими французами, придерживаясь сходных с ними обычаев. Желая сохранить за собой подобные области, завоеватель должен соблюдать два условия: во-первых, чтобы пресеклась династия их государей; во-вторых, оставить неизменными их законы и подати; тогда вскоре эти области составят единое целое с твоими прежними владениями.

Но когда приобретают территории в стране, чужеродной по языку, обычаям и учреждениям, вот тут начинаются трудности, и чтобы не потерять их, потребуются великая удача и великое умение. Одно из самых лучших и действенных средств в этом случае состоит в том, чтобы завладевшее ими лицо само переселилось в этот край. Это придаст завоеванию надёжность и долговечность; так поступил турецкий султан с Грецией*. Не перенеси он туда своё местопребывание, ему бы там ни за что не удержаться, невзирая на все остальные меры, принятые им для сохранения этого государства. Находясь на месте, ты можешь распознавать будущие беспорядки ещё в зародыше и легко справляться с ними; в противном случае известие о них доходит, лишь когда они уже в разгаре и поздно что-либо делать. Кроме того, ты не оставляешь страну на разграбление своим чиновникам; для подданных облегчается прямой доступ к государю, отчего у добропорядочных граждан бывает больше оснований для расположения к нему, а у бунтовщиков — для опасений. Внешний враг хорошенько подумает, прежде чем напасть на эти владения. Таким образом, у переселившегося туда государя будет очень трудно отнять их.

Другое отличное средство состоит в том, чтобы основать одну-две колонии, которые прикрепили бы эту местность к новому государству. В противном случае потребуется держать там множество солдат, и пеших и конных. Колонии обходятся недорого; выслать и содержать колонистов государю не стоит почти ничего, ведь при Турецкий султан Мехмед II, который перенёс свою столицу в завоёванный им в 1453 году Константинополь.

этом внакладе остаются только те жители, у которых отбирают их дома и наделы в пользу переселенцев, а эти жители составляют небольшую часть новых подданных, и они не могут причинить вреда государю вследствие своей нищеты и разобщённости. Все же прочие, с одной стороны, не будучи ущемлёнными, лишены повода для беспокойства, а с другой — они будут осторожны, наученные чужим примером и опасаясь, как бы с ними не поступили так же. Я заключаю, что колонии не требуют затрат, они более надёжны и вызывают меньшее недовольство. Недовольные же безвредны, будучи, как я уже сказал, разобщены и бедны. По этому поводу следует заметить, что людей должно либо миловать, либо казнить, ведь небольшие обиды будут всегда взывать к отмщению, а за тяжкие люди отомстить не в силах. Так что, нанося обиду, следует устранить возможность мести. Но если вместо колонии используется вооружённый гарнизон, он требует куда больших расходов, и в конце концов для охраны новых владений потребуются все средства государства. Приобретение, таким образом, обернётся уроном. К тому же расквартирование войска в разных местах приносит куда больше вреда и ущемляет всё население, всякий страдает от этого неудобства и становится врагом нового государя, притом врагом опасным, который после поражения остаётся в собственном доме. Итак, с любой точки

зрения такой способ защиты новых владений настолько же невыгоден, насколько выгодно основание колоний.

Тот, кто находится в чужеродной, как было описано выше, провинции, должен ещё взять под своё покровительство её мелких соседей, стараясь ослабить наиболее влиятельных, и остерегаться, чтобы не возник повод к вмешательству в дела этой области другого властителя, столь же могущественного, как и он сам. А повод, чтобы воспользоваться недовольством чрезмерно честолюбивых или напуганных обитателей, всегда появится, как можно судить по призыванию римлян в Грецию этолийцами — вообще во все завоёванные ими провинции римлян приглашали местные жители. Как только чужеземный завоеватель вторгается в какую-либо страну, все мелкие властители примыкают к нему, и это в порядке вещей, ибо ими движет ненависть к прежнему поработителю, так что завоевателю нечего беспокоиться о том, как привлечь этих людей на свою сторону; все они тут же присоединяются к его новым владениям. Он должен только следить, чтобы они не обзавелись слишком большими силами и влиянием. Его собственных сил и расположения сторонников вполне достаточно, дабы справиться с соперниками и полностью овладеть новой провинцией. Но тот, кто не примет подобных мер, вскоре лишится завоёванного, а до того погрузится в неисчислимые труды и заботы.

Римляне неукоснительно соблюдали эти правила в завоёванных ими провинциях: они основывали колонии, привлекали к себе менее влиятельных лиц, ни в чём им не потворствуя, и ослабляли более влиятельных; для чужеземных властителей они не оставляли ни малейшей лазейки. Ограничусь только примером Греции. Ахейцев и этолийцев римляне привлекли на свою сторону; Македонское царство было принижено, и оттуда был изгнан Антиох. Однако заслуги ахейцев и этолийцев не послужили основанием, чтобы позволить им расширить свои владения; никакие заверения Филиппа в дружбе не помешали римлянам ослабить его, а могущество Антиоха не заставило их признать его право на владение какой бы то ни было территорией в Греции. Римляне в этих случаях поступали так, как надлежит поступать всем разумным государям: они помышляли не только о нынешних, но и о будущих заботах и искали пути, как с ними справиться. Ведь предвидя их заранее, легко найти выход, а когда беда приблизилась, болезнь становится неизлечимой, и лекарство уже не ко времени. Получается так, как врачи говорят о чахотке, что вначале её легко вылечить, но трудно распознать, а по прошествии времени, если с самого начала она была запущена, болезнь становится очевидной, но трудноизлечимой. То же и в государственных делах: зная заранее (что бывает дано только мудрым людям) о грозящих несчастьях, можно их предупредить, но если этого не случилось и угроза стала очевидной для каждого, тут уже ничем не поможешь.

Римляне, чуя приближение беды издалека, всегда принимали нужные меры и ради этого не боялись даже вступить в войну, ибо знали, что войны нельзя избежать, а можно только оттянуть её к выгоде других. Они предпочли воевать с Филиппом и Антиохом в Греции, чтобы не сражаться с ними потом в Италии; в своё время они могли избежать обеих войн, но не захотели этого. Они никогда не придерживались того правила, которое вечно на устах мудрецов нашего времени: «Воспользоваться преимуществами выжидания». Преимущество римлян заключалось только в собственных доблести и благоразумии, ведь время несёт с собой всяческие перемены, при которых добро оборачивается злом, а зло — добром.

Но вернёмся к Франции и посмотрим, прибегла ли она к какому-нибудь из вышеописанных способов. Я буду говорить не о Карле, а о Людовике*, потому что он дольше удержался в Италии и предпринятые им шаги замет Карл VIII находился в Италии с августа 1494 года по июль 1495 года, Людовик XII — с 1499 года по 1512 год.

ны гораздо отчётливее. Вы можете убедиться, что он поступал всё время наперекор тому, что следовало бы делать для закрепления своих владений в иноязычной стране.

Король Людовик оказался в Италии благодаря притязаниям венецианцев, которые намеревались воспользоваться его приходом, чтобы овладеть половиной Ломбардии. Не стану упрекать короля за этот поступок: желая закрепиться в Италии, он не располагал союзниками внутри страны, и все двери были закрыты перед ним из-за воспоминаний о его предшественнике Карле, поэтому выбирать друзей было не время. Людовик добился бы своей цели, если бы не допустил никаких других ошибок. Заняв Ломбардию, король вернул бы французам уважение, утраченное при Карле; Генуя уступила, флорентийцы заключили с ним союз; маркиз Мантуанский, герцог Феррарский, Бентивольи, хозяйка Форли*, правители Фаэнцы, Пезаро, Римини, Камерино, Пьомбино, жители Лукки, Пизы, Сиены — все искали его дружбы. Тогда-то венецианцы осознали всю безрассудность своего поступка: взамен пары местечек в Ломбардии они сделали короля властелином двух третей Италии.

Судите теперь, сколь нетрудно было королю утвердиться в Италии, если бы он соблюдал вышеописанные правила, поддерживая и защищая своих многочисленных и слабых сторонников, находившихся в страхе — кто перед Церковью, кто перед венецианцами — и вынужденных следовать за ним. С их помощью Людовик легко Форли Катерина (Риарио Сфорца) — графиня (1463–1509), побочная дочь Галеаццо Марии Сфорца, с 1477 года жена Джироламо Риарио; вторым браком жена известного кондотьера Джованни Медичи. В 1499 году Макиавелли был послан к ней для переговоров о найме её сына, кондотьера Оттавиано Риарио, на службу Флоренции.

обезопасил бы себя от более могущественных соперников. Но едва он очутился в Милане, как поступил наоборот, оказав папе Александру* содействие в захвате Романьи*. При этом король даже не заметил, что, отталкивая от себя доверившихся ему сторонников и друзей, он ослабляет своё влияние и усиливает Церковь, прибавляя к её огромной духовной власти ещё и светскую. За этой первой ошибкой неизбежно последовали и другие. В конце концов, чтобы обуздать властолюбие Александра и помешать ему завладеть Тосканой, король был вынужден вступить на территорию Италии. Мало того, что он возвысил Церковь и лишил себя союзников; с вождеством взирая на Неаполитанское королевство, он разделил его с королём Испании, и если до этого судьбы Италии были в его руках, то теперь он обзавёлся сотоварищем, дабы у всех честолюбцев и недовольных в этой стране был покровитель. При этом Людовик удалил из королевства того, кто мог бы платить ему дань, заменив его правителем, угрожавшим изгнать его самого*. Разумеется, желание приобретать — вещь вполне обычная и естественная, и когда люди стремятся к этому в меру своих сил, их будут хвалить, а не осуждать, но когда они не могут и всё же добиваются приобретений любой ценой, то в этом заключается ошибка, достойная порицания. Если силы Франции позволяли ей обрушиться на Неаполь, так и следовало поступить, если же не позволяли, не следовало ни с кем делить его. Подобная сделка с венецианцами Имеется в виду Александр VI Борджиа.

Романья — область на северо-востоке Италии, которой владели византийцы, лангобарды, римские папы. В начале XVI века Чезаре Борджиа с помощью папы Александра VI попытался создать здесь собственное княжество.

Король сменил неаполитанского короля Федерико I Арагонского на Фердинанда Католического.

в Ломбардии заслуживала оправдания, потому что позволила французам закрепиться в Италии; в случае с Неаполем она подлежит осуждению, ибо не была вызвана сходной необходимостью.

Таким образом, Людовик допустил пять ошибок: он вывел из игры более слабых правителей; усилил одно из могущественнейших лиц в Италии; допустил туда чужеземного властелина; не перенёс туда своей резиденции и не основал там колоний. Но все эти ошибки, пока он был жив, могли и не причинить большого вреда, если бы он не сделал шестую, отобрав владения у венецианцев. Не допусти он возвышения Церкви и не призови в Италию испанцев, ослабить их

было бы действительно разумно и необходимо, но после допущенных просчётов не следовало соглашаться на расправу с венецианцами. Пока они оставались в силе, никто не отважился бы посягнуть на ломбардские земли: венецианцы никогда не согласились бы на это, потому что сами пожелали бы претендовать на французскую долю, а все остальные ни за что не захотели бы отнять её у Франции и отдать венецианцам. Выступить же против двоих хозяев Ломбардии никто бы не посмел. А если кто-то возразит, что Людовик уступил Романью Александру и Неаполитанское королевство — Испании, чтобы избежать войны, то я сошлюсь на вышеприведённые доводы: война всё равно начнётся, но промедление обернётся против тебя. Если же напомнят, что король пообещал папе выступить ради него в поход в обмен на свой развод и кардинальскую шапку для архиепископа Руанского*, то я отвечу тем, что будет сказано Александр VI разрешил Людовику развестись с Иоанной Французской, сестрой Карла VIII, и жениться на его вдове, Анне Бретонской, а также сделал кардиналом первого министра короля, Жоржа Д'Амбуаза, архиепископа Руанского.

мною ниже относительно обещаний, даваемых государями, и о том, как их следует выполнять.

Итак, король Людовик лишился Ломбардии потому, что не соблюдал правил, которых придерживались все завоеватели, желавшие удержать покорённые страны. Так что здесь нет ничего удивительного — всё естественно и легко объяснимо. Об этом предмете я беседовал с кардиналом Руанским в Нанте, когда герцог Валентино, как в народе называли сына папы Александра Чезаре Борджиа, захватил Романью. Кардинал заявил мне, что итальянцы несведущи в военных делах, на что я ему ответил, что французы ничего не смыслят в делах государственных, ибо в противном случае они не допустили бы подобного возвышения Церкви. Опыт показал, что Франция способствовала росту влияния в Италии Церкви и Испании, и это привело к её собственному краху. Отсюда можно извлечь общее правило, почти непреложное: кто делает другого могущественным, тот погибает, ведь наделять могуществом можно с помощью либо силы, либо умения плести интриги, а оба этих качества вызывают подозрение у ставших могущественными людей.

Глава IV. По какой причине в царстве Дария, захваченном Александром, после смерти последнего не вспыхнул мятеж против его преемников

Узнав о трудностях, связанных с удержанием новых владений, кто-то может задать вопрос, почему не вспыхнуло восстание в Азии, которой Александр Великий овладел за несколько лет и вскоре после этого умер. Следовало ожидать крушения его государства, однако преемники Александра удержались у власти, и единственным препятствием, которое встретилось им при этом, были раздоры между ними, вызванные их собственным властолюбием. На это я отвечу, что все известные донине принципаты бывали управляемы одним из двух способов: либо в них был один государь, а все прочие — подневольные слуги, содействующие ему в управлении по его милости и соизволению, либо государь правил вместе с баронами, которые обладали своим саном не по прихоти властителя, но благодаря древности происхождения. У этих баронов есть собственные владения и подданные, признающие их господами и питающие к ним естественную привязанность. Государство, управляемое монархом через его слуг, даёт правителю больше власти, ибо в такой стране верховным владыкой признают только его, а прочим должностным лицам подчиняются, как государевым чиновникам, к которым никто не питает особенной любви.

В наше время примеры двух разных способов управления являют французский король и турецкий султан. Вся турецкая монархия подчиняется одному господину, все остальные — его рабы, всё царство разделено на санджаки*, куда султан назначает управляющих и заменяет их, когда и как он того пожелает. Французский же король исстари окружён множеством господ, которые пользуются властью над своими подданными и их любовью; у них есть свои привилегии, на

которые королю посягать небезопасно. Если сравнить эти два государства, то можно убедиться, что завоевать владения султана трудно, но, одержав победу, их легко сохранить за собой.

Трудности овладения державой султана заключаются в том, что завоеватель не может быть призван туда местными князьями и не может рассчитывать на то, что его предприятие будет облегчено мятежом султанского окружения, как вытекает из вышеназванных причин. Рабов, которые всем обязаны султану, не так-то легко подкупить, а если и удастся, то от этого следует ожидать мало пользы, ведь они, по вышеупомянутым соображениям, не смогут увлечь за собой народ. Поэтому нападающий на султана должен готовиться к встрече со сплочённым врагом и рассчитывать больше на собственные силы, чем на раздоры в стане противника. Но если турок потерпит поражение в битве, такое, что он не сможет оправиться и набрать новое войско, то угрозу следует видеть только в выходах из правящей династии, расправившись с которыми можно никого больше не бояться, ибо все остальные не пользуются влиянием в народе, и как раньше завоеватель не мог на них рассчитывать, так и теперь ему не нужно их бояться.

Противоположным образом дело обстоит в королевствах, управляемых подобно Франции: туда нетрудно внедриться, сговорившись с кем-нибудь из баронов, среди которых всегда много недовольных и охотников до перемен. По этим причинам они расчистят перед тобой путь в свою страну и облегчат твою победу, но, желая удержать завоёванное, ты столкнёшься с бесчисленными трудностями, вызванными как помогавшими, так и противостоящими тебе баронами. Тут уже недостаточно будет истребить семью государя, а придётся иметь дело с этими сеньорами, которые возглавят новые мятежи. Их невозможно ни удовлетворить, ни уничтожить, поэтому при первом удобном для них случае ты лишишься власти.

Итак, если вы рассмотрите природу Дариева царства, то вы найдёте в нём сходство с турецкой монархией; вот почему Александру необходимо было целиком всколыхнуть его и разбить Дария в сражении, но после победы и смерти царя Александр мог не опасаться за свою власть по вышеизложенным причинам. И если бы его преемники не ссорились между собой, они безмятежно могли бы наслаждаться властью, ведь в этом царстве не было никаких беспорядков, кроме вызванных их собственными распрями. Но управление государствами, устроенными подобно Франции, влечёт за собой куда больше забот. Этим и были вызваны частые восстания против римлян в Испании, во Франции и в Греции: многочисленностью княжеств, на которые были разделены эти страны. Пока память о них была свежа, господство римлян не отличалось прочностью, но когда эта память развеялась благодаря могуществу и долговечности власти римлян, их владычеству уже ничто не угрожало. И даже когда римляне стали воевать друг с другом, каждого из противников поддерживала та часть названных провинций, где он располагал властью. Династии прежней знати угасли, и жители признавали правителями только римлян. После всего вышеизложенного никто не удивится той лёгкости, с которой Александр удерживал за собой государство в Азии, и тем трудностям, с которыми столкнулись Пирр и многие другие, желая удержать завоёванное. Это было вызвано не наличием или отсутствием доблести у завоевателей, а различиями завоёванных стран.

Глава V. Каким образом следует управлять городами или принципатами, которые до завоевания жили по своим законам

Когда новоприобретённые государства, как мы сказали, привыкли жить свободно и подчиняться собственным законам, удержать их можно тремя способами: первый — разорить их; второй — самому там поселиться; третий — оставить там прежние законы, получая оттуда определённый доход и назначив там правительство из немногих лиц, которые сохраняли бы преданность тебе. Получив власть из рук нового государя, они осознают, что смогут сохранить её только благодаря его расположению и мощи, и будут всячески стараться упрочить его господство. Самый лучший

способ удержать город, привыкший к вольности, если ты хочешь сохранить его в целости, это использовать его собственных граждан.

In exemplis* спартанцы и римляне. Спартанцы удерживали за собой Афины и Фивы, поставив там у власти немногих лиц, tamen* они снова лишились этих городов. Римляне разрушили Капую, Карфаген и Нуманцию, чтобы Примером служат (лат.).

Однако (лат.).

сохранить их, и их замысел удался. Желая удержать Грецию, они пошли по стопам спартанцев, оставив там свободу и сохранив её законы, но потерпели неудачу и были вынуждены разорить многие города этой страны, чтобы утвердиться в ней. Ведь на самом деле верный способ овладеть какой-либо провинцией — это разорить её. Тот, кому достаётся город, привыкший к свободной жизни, и он не разваливает его до основания, — тот будет сам погребён его жителями, которые всегда смогут прибегнуть к восстанию, провозгласить свободу и возврат к прежним обычаям, память о коих не стирают ни бег времени, ни полученные благодеяния. И что тут ни делай и ни придумывай, — если жители не были разъединены и рассеяны, — они не забывают прежней вольности и прежних порядков, которые при каждом подходящем случае превозносятся вновь; так было в Пизе через 100 лет после её покорения флорентийцами. Но если города или провинции привыкли подчиняться одному государю, род которого пресёкся, они не сумеют избрать нового правителя из своей среды, утратив прежнего, и жить на свободе, имея навык к повиновению. Поэтому им труднее будет взяться за оружие, а завоевателю легче привлечь их к себе и обезопасить себя от мятежа. В республиках же больше воли к жизни, глубже ненависть и сильнее желание отомстить; память о старинной вольности не ослабевает и не даёт им покоя, поэтому надёжнее всего уничтожать их или туда переселяться.

Глава VI. О новой власти, приобретаемой с помощью собственного оружия и доблести

Пусть никого не удивляет, что, говоря о принципах, получающих нового государя и новое устройство, я буду ссылаться на великие примеры, ведь люди всё время идут по путям, проложенным другими, и подражают им в своих поступках, но не могут целиком следовать чужим путём и достичь той же доблести, что и образцы, поэтому разумный человек должен всё время шествовать по тропинкам, протоптанным великими людьми, и подражать выдающимся, чтобы в отсутствие равной доблести сохранялось хотя бы её подобие. Так поступают опытные лучники: зная удалённость места, в которое они целятся, и дальноточность лука, они выбирают цель гораздо выше мишени, но не для того, чтобы пустить стрелу на такую высоту, а для того, чтобы, прицелившись столь высоко, достичь желаемого. Итак, я скажу, что новому государю бывает легче или труднее удержать власть в зависимости от того, большей или меньшей доблестью располагает завладевший ею. Сам переход от положения частного лица к сану государя предполагает содействие доблести или фортуны, и наличие каждого из этих двух условий отчасти уменьшает встречающиеся трудности. Тем не менее тот, кто меньше полагается на фортуны, находится в большей безопасности. Дело также упрощается, когда государь бывает вынужден из-за отсутствия других владений personaliter* поселиться в новых. Переходя теперь к тем лицам, которые стали государями благодаря своей доблести, а не фортуне, я назову среди самых выдающихся Моисея, Кира, Ромула, Тезея и им подобных. Хотя о Моисее не следовало бы рассуждать, ибо он был простым исполнителем предначертаний Бога, tamen восхищения в нём заслуживает уже solut* та благодать, которая удостоила его бесед с Богом. Но если мы обратимся к Киру и другим основателям и завоевателям царств, то увидим, что все их деяния были удивительными, и если рассмотреть их отдельные поступки, они не будут расходиться с поступками Моисея, у которого был столь высокий наставник. Вникая в их жизнь и дела, мы замечаем, что фортуна предоставила им только случай, поставивший их лицом к лицу с материей, которой они могли придать любую форму по своему усмотрению; не представь случай,

доблесть духа этих людей угасла бы в безвестности, но не будь этой доблести, случай представился бы напрасно. Следовательно, Моисей должен был найти народ Израиля в Египте порабощённым и угнетённым египтянами, чтобы он был готов пойти за ним ради освобождения из рабства. Ромулу надо было прийти не ко двору в Альбе и быть брошенным на произвол судьбы после рождения, чтобы он стал царём Рима и основателем Римского отечества. Киру необходимо было заставить среди персов недовольство властью мидян, а мидян слабыми и изнеженными вследствие долговременного мира. Тезею не пришлось бы проявить свою доблесть, если бы он нашёл Афины сплочёнными. Случайные стечения обстоятельств оказались для этих людей счастливыми, а их необыкновенная доблесть помогла им воспользоваться случаем, что привело их отчизну к славе и процветанию.

Тот, кто становится государем доблестным путём, наподобие вышеназванных лиц, тому власть достаётся трудно, но удерживать её легко, а трудности приобретения власти возникают отчасти из-за новых порядков и установлений, которые правители вынуждены вводить для упрочения нового устройства и собственной безопасности. Следует заметить, что нет начинания, которое так же трудно задумать, с успехом провести в жизнь и безопасно осуществить, как стать во главе государственного переустройства. Враги преобразователя — все те, кто благоденствовал при прежнем режиме; а те, кому нововведения могут пойти на пользу, защищают его довольно прохладно. Это отсутствие пыла связано отчасти со страхом перед противниками, на стороне которых закон, отчасти с недоверчивостью людей, которые не верят в новшества, пока они не подкреплены опытом. Поэтому всякий раз, как противники располагают возможностью для нападения, они её рьяно используют, защитники же рвения не проявляют, так что новые порядки оказываются под угрозой. Желая хорошенько вникнуть в этот предмет, следует разобрать, являются ли эти преобразователи самостоятельными или зависят от других, то есть должны ли они для достижения своих целей просить о помощи или могут прибегать к силе. В первом случае будущее им ничего не сулит, и они ничего не добиваются, но если они зависят только от себя и могут принуждать других, тогда в большинстве случаев им ничего не угрожает. Вот почему все вооружённые пророки победили, а все безоружные погибли, ведь помимо всего прочего, народ обладает изменчивой природой, его легко в чём-либо убедить, но трудно удержать в этом убеждении. Поэтому нужно быть готовым силой заставить верить тех, кто потерял веру. Моисей, Кир, Тезей и Ромул недолго могли бы поддерживать соблюдение своих законов, если бы были безоружными, как показывает происшедшее в наше время с братом Джироламо Савонаролой, который потерпел крах со своими новыми порядками, как только масса перестала ему верить, а он не мог удержать тех, кто поверил ему раньше, и заставить поверить сомневающихся. Итак, подобные деятели сталкиваются со множеством трудностей, и все опасности, встречающиеся им на пути, они должны преодолевать своей доблестью. Но пройдя через опасности и завоевав уважение, расправившись с теми, кто должен испытывать к ним зависть, они пребывают в могуществе, почёте, безопасности и довольстве.

К столь возвышенным примерам я хочу добавить один менее значительный, но он чем-то им сродни, и я ограничусь только им; речь идёт о Гиероне Сиракузском. Из частного лица он стал правителем Сиракуз, и при этом фортуна предоставила ему только подходящий случай, ибо жители города, будучи угнетёнными, избрали его своим предводителем, а он уже заслужил звание государя. Его доблесть была такова, *etiam** в частной жизни, что пишущий о нём говорит: «*Quod nihil illi deerat ad regnandum praeter regnum*»*. Гиерон распустил прежнее ополчение и создал новое; он расторг старые союзы и вступил в новые и, когда обзавёлся своими собственными солдатами и союзниками, на этом фундаменте мог соорудить любую постройку. Таким образом, ему было тяжело приобрести, но легко удержать.

Даже (лат.).

Для царствования ему не доставало только царства (лат.).

Глава VII. О новых принципатах, приобретаемых благодаря чужому оружию и счастью

Те частные лица, которые стали государями только благодаря везению, достигают этого без труда, но с трудом удерживают власть. На своём пути они не встречают преград, как бы взлетая ввысь; осложнения же начинаются, когда цель достигнута. Это бывает в случаях, если кто-то приобретает власть за деньги или по милости дарителя. Так, Дарий насадил в Греции, в городах Ионии и Геллеспонта, многих государей ради своей славы и безопасности. Таким же образом были избраны императорами частные лица, которые получили свою власть, подкупив солдат.

Подобные государи попросту зависят от прихотей и везения своих благодетелей, а эти вещи весьма переменчивы и непостоянны; сохранить свою власть такие люди не могут и не умеют — не умеют, потому что частное лицо, если оно не выделяется особым умом и доблестью, навряд ли научится повелевать, а не могут, потому что за ними не стоят надёжные и преданные им силы. Затем, новоиспечённые государства, как и все другие скороспелые порождения природы, не располагают корнями и разветвлениями, которые спасли бы их от первой непогоды, — если только лица, неожиданно сделавшиеся государями, как мы уже сказали, не обладают такой доблестью, которая позволила бы им сохранить полученное по милости фортуны и построить для этого тот фундамент, на который другие опираются ещё до прихода к власти.

Относительно обоих способов становиться государем, благодаря собственной доблести и по милости фортуны, я хочу привести в пример двух лиц, правивших на нашей памяти: это Франческо Сфорца и Чезаре Борджиа. Франческо из частного лица сделался герцогом Миланским, употребляя должные средства и пользуясь своей великой доблестью; приобретённое бесчисленными трудами он с лёгкостью сохранил за собой. В свою очередь, Чезаре Борджиа, которого в народе звали герцогом Валентино, получил власть вместе с возвышением своего отца и, когда фортуна от того отвернулась, потерял её, невзирая на все его старания и усилия — как подобает благоразумному и доблестному правителю — пустить корни в тех владениях, которые достались ему благодаря оружию и везению других. Ибо, как мы уже говорили выше, кто не заложит фундамент вначале, располагая великой доблестью, может построить его потом, хотя бы это и шло вразрез с замыслом архитектора и угрожало целостности самого здания. И если рассмотреть все шаги герцога, можно заметить, что он заложил хороший фундамент для будущего могущества. Я считаю нелишним обсудить это, потому что не могу дать лучших предписаний новому государю, чем следовать примеру герцога, и если его поступки не принесли ему пользы, то винить его не в чем, ибо он пострадал из-за чрезвычайной и необыкновенной враждебности фортуны.

Перед папой Александром VI, который замыслил возвысить герцога, своего сына, встало множество действительных и ожидаемых препятствий. Во-первых, папа мог его поставить только во главе государства, выкроенного из церковных владений, а посягать на них он опасался, зная, что герцог Миланский и венецианцы будут против этого, ведь Фаэнца и Римини уже находились под покровительством венецианцев. Кроме того, вооружённой силой, в особенности той, на которую можно было бы опереться, располагали в Италии те, кто должен был опасаться усиления папы. Это были семейства Орсини, Колонна* и их сторонники, которым нельзя было доверять. Следовало, таким образом, изменить это положение дел и внести расстройство в стан противников, чтобы завладеть частью их территории. Сделать это было нетрудно, ибо венецианцы, по своим соображениям, решили снова призвать французов в Италию. Папа не только не воспрепятствовал их плану, но и облегчил их, разрешив королю Людовику от уз прежнего брака. Король вошёл в Италию с помощью венецианцев и с согласия Александра, который получил от короля людей для захвата Романьи, едва тот прибыл в Милан. Благодаря авторитету короля это предприятие удалось, и после завоевания Романьи и разгрома приверженцев рода Колонна дальнейшему продвижению герцога мешали две вещи: ненадёжность его собственного войска и нерасположение Франции. Отряды Орсини, которыми воспользовался герцог, могли отказать ему в повиновении — и не то что помешать новым

приобретениям, но и отнять завоёванное, — а от короля можно было ожидать подобных же действий. В ненадёжности Орсини герцог убедился, когда после взятия Фазнцы напал на Болонью и увидел, сколь неохотно они отправляются в поход. Что касается короля, то его намерения проявились после занятия герцогства Урбинского: когда Валентино вступил в Тоскану, коОрсини — римский знатный род, с которым враждовали папы в Средние века. Колонна — римский дворянский род, с которым враждовали многие папы.

роль заставил его отказаться от этого предприятия. После этого герцог пожелал стать независимым от чужого веления и от чужого войска. Прежде всего он ослабил партии Орсини и Колонна в Риме: всех их приверженцев из дворян он привлёк на свою сторону, приняв к себе на службу и наделив большим жалованьем; он осыпал их гражданскими чинами и военными званиями в соответствии с заслугами каждого, так что за несколько месяцев они утратили былую привязанность к своим партиям и обратили её на герцога. Расправившись с домом Колонна, герцог собирался свести счёты и с Орсини; он очень хорошо воспользовался представившимся случаем, когда Орсини, слишком поздно распознавшие угрозу для себя в возвышении герцога и Церкви, собрали свой съезд в Маджоне, близ Перуджи. Он послужил причиной к восстанию в Урбино, к волнениям в Романье и навлёк на герцога несметное множество бед, с которыми тот справился с помощью французов. Снова войдя в силу, герцог не стал дожидаться, пока Франция и другие державы смогут на деле доказать ему, насколько им можно доверять, и прибег к обману: он так удачно скрыл свои планы, что Орсини примирились с ним через посредничество синьора Паоло, которого герцог обхаживал всеми способами, одаря деньгами, нарядами и лошадьми, дабы усыпить его бдительность. Так из-за своей недалёковидности всё семейство Орсини оказалось в руках герцога в Сенигалии. Покончив с верхушкой этой партии и превратив её приверженцев в своих друзей, герцог заложил неплохой фундамент своего могущества, располагая всей Романьей и герцогством Урбино, ведь он считал, что после того, как жители Романьи вкусили прелестей благополучного существования, все они за него.

Так как эта сторона деятельности герцога заслуживает внимания и подражания, я хочу остановиться на ней. Заняв Романью, герцог увидел, что она находилась в руках нерадивых правителей, которые занимались больше грабежом, нежели исправлением своих подданных, и не столько объединяли их, сколько сеяли семена раздора, так что вся провинция закоsnела в распрях, разбоях и прочих бесчинствах, поэтому герцог, чтобы умиротворить её и привести к повиновению властям, счёл нужным ввести там надёжное правление. Во главе области он поставил мессера Рамиро де Орко, человека решительного и жестокого, наделив его всей полнотой власти. Наместник за короткое время восстановил мир и единство, приобретя огромное влияние. Затем герцог посчитал ненужной такую чрезвычайную власть, которая могла вызвать ненависть к нему, и созвал в центре провинции гражданский суд, возглавляемый в высшей степени достойным председателем; каждый город располагал своим защитником в этом суде. Зная, что предшествовавшие суровые меры породили некоторое недовольство, герцог, чтобы очиститься перед народом и устранить всякую неприязнь, решил показать, что вина за совершённые жестокости лежит не на нём, а коренится в зловерности его подручного. Воспользовавшись подходящим случаем, герцог велел выставить однажды утром на площади в Чезене тело правителя, разрубленное надвое, поставив рядом с ним деревянную плаху и положив окровавленный меч. Это чудовищное зрелище поразило жителей и одновременно вызвало удовлетворение.

Однако вернёмся к тому, на чём мы остановились. Я скажу, что, когда герцог набрал достаточную силу и отчасти обезопасил себя от непосредственной угрозы, обзаведясь собственным войском и подавив тех из соседей, которые могли на него напасть, перед ним оставалось единственное препятствие на пути дальнейшего расширения владений — необходимость считаться с королём Франции, ибо он знал, что король, поздно заметивший свою ошибку, не потерпел бы такого

поворота событий. Поэтому он стал искать новых союзов и не спешил поддерживать французов, когда они отправились в королевство Неаполитанское воевать с испанцами, осадившими Гаэту. Герцог намеревался отгородиться от французов и преуспел бы в этом, если бы Александр оставался в добром здравии.

Вот каковы были его распоряжения в отношении текущих дел. Что же касается будущего, то ему следовало опасаться прежде всего вражды со стороны нового главы Церкви, который мог бы попытаться отнять всё дарованное Александром. На этот счёт герцог предусмотрел четыре способа: во-первых, истребить всех наследников изгнанных им сеньоров, чтобы не оставить папе никакого предлога; во-вторых, привлечь к себе всех римских дворян, о чём мы уже говорили, чтобы с их помощью держать папу в узде; в-третьих, по возможности перетянуть на свою сторону коллегия кардиналов; в-четвёртых, ещё при жизни папы завладеть такой властью, чтобы она позволила самостоятельно удержаться во время первого натиска. Из этих четырёх задач к моменту смерти Александра он исполнил три, а четвёртая была близка к исполнению, ибо из всех свергнутых им владетелей были перебиты все, кого он мог настигнуть, и спаслись лишь немногие. Римские дворяне шли за ним, и коллегия в значительной части его поддерживала. Что же касается новых приобретений, то он намеревался овладеть всей Тосканой, приобретя уже Перуджу и Пьомбино и взяв под покровительство Пизу. И поскольку ему уже не приходилось бояться Франции (а этого не нужно было делать, потому что испанцы изгнали французов из Неаполитанского королевства, и обе стороны были вынуждены покупать дружбу герцога), он мог заняться Пизой. Если бы он завладел последней, ему сразу бы сдались Лукка и Сиена, отчасти из вражды к флорентийцам, отчасти из страха. Флорентийцы никак не могли помешать герцогу, и если бы его планы удались (а он был к этому близок в тот самый год, когда умер Александр), то он обладал бы такими силами и таким влиянием, что мог бы держаться сам по себе, не полагаясь на оружие и везение других, а опираясь только на собственную мощь и доблесть. Но Александр умер спустя пять лет после того, как герцог вынул меч из ножен. Последний остался смертельно больным между двух могущественных враждебных войск, не имея нигде твёрдой почвы под собой, кроме как в Романье. Но в герцоге жила такая ярость и такая доблесть, он настолько хорошо знал, что привлекает людей и что отталкивает, и столь прочный фундамент создал он для себя за столь короткое время, что если бы он не был болен или не находился между двух огней, то преодолел бы все препятствия. А что у него был прочный фундамент, видно по тому, что Романья ожидала его более месяца; в Риме во время смертельной болезни герцогу ничего не угрожало, и хотя Бальони, Вителли и Орсини вошли в город, их никто не поддержал. И если герцог не был в состоянии возвести на папский трон кого хотел, то по крайней мере мог помешать избранию нежелательного кандидата. Если бы в момент смерти Александра он не заболел, всё остальное было бы нетрудно. В день избрания Юлия II герцог говорил мне, что он предусмотрел все события, которые могла повлечь за собой смерть отца, и нашёл выход из всех положений, — только никогда не думал, что в этот момент сам окажется при смерти.

Итак, обзревая все поступки герцога, я не нахожу, в чём его можно было бы упрекнуть. Напротив, мне кажется, что он должен служить образцом для подражания, как он здесь и выставлен, для всех, кто восходит на трон благодаря оружию и удаче других. Великий дух и высокие намерения герцога не позволяли ему поступать иначе, и его планы не осуществились только из-за преждевременной кончины Александра и его собственной болезни. Новый государь, считающий нужным защищаться от врагов, приобретать друзей, убеждать силой или хитростью, внушать любовь и страх народам, преданность и уважение солдатам, избавляться от тех, кто может и должен принести ему вред, изменять нововведениями старые обычаи, быть суровым и милостивым, великодушным и щедрым, упразднить ненадёжное войско и набрать новое, хранить дружбу королей и прочих государей, дабы они должны были помогать ему от всего сердца или вредить с оглядкой, — такой государь не найдёт более близкого образца, чем деяния герцога. Единственное, чем можно укорить его, это избрание папы Юлия, которое было ошибкой герцога,

ибо, как мы уже говорили, не располагая возможностью избрать папу по своему вкусу, он мог помешать нежелательной кандидатуре. Поэтому ему не следовало соглашаться на выбор одного из кардиналов, таивших на него обиду, или тех, кто в качестве папы должен был бы опасаться герцога. Причинять вред заставляет людей страх или ненависть, а в числе обиженных находились, наряду с прочими, кардиналы Сан Пьетро ад Винкула, Колонна, Сан Джорджо и Асканио. Остальным, в случае избрания одного из них папой, он должен был внушать опасения, кроме испанцев и кардинала Руанского: первых связывали с герцогом родство и благодарность, второй был слишком могущественным, имея за собой французское королевство. Поэтому герцогу прежде всего следовало добиваться избрания папой одного из испанцев, а в случае невозможности этого согласиться на избрание кардинала Руанского, но не Сан Пьетро ад Винкула. Ведь обманывается тот, кто верит, что новые благодеяния заставляют влиятельных людей забывать о старых обидах. Ошибся и герцог при избрании папы, и это послужило причиной его окончательного крушения.

Глава VIII. О тех, кто добился власти злодеяниями

Частное лицо может сделаться государем ещё двумя способами, каждый из которых нельзя отнести целиком на счёт удачи или доблести, поэтому я не хотел бы умалчивать о них, хотя об одном из этих способов следовало бы подробнее поговорить там, где речь идёт о республиках*. В первом случае подразумевается, что некто восходит на трон по пути, усеянному преступлениями и злодеяниями, во втором — что один из граждан с помощью прочих становится государем своей отчизны. Сицилиец Агафокл стал царём Сиракуз, будучи не только частным лицом, но и происходя из самого низкого и презренного сословия. Родившись сыном горшечника, он с малых лет вёл нечестивый образ жизни, но злодейские наклонности сочетались в нём с такой доблестью духа и тела, что, обратившись к военной карьере, он постепенно достиг должности претора* Сиракуз. Получив это звание, он замыслил стать единоличным правителем и дарованное ему по общему согласию закрепить за собой с помощью насилия, чтобы ни от кого не зависеть. Вступив в сговор с То есть в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия»; это место можно истолковать в пользу того, что работа над ними и «Государем» шла параллельно.

карфагенянином Гамилькаром*, находившимся с войском в Сицилии, Агафокл однажды утром созвал в Сиракузах народ и Сенат* как бы для решения государственных дел и условленным сигналом приказал своим солдатам перебить всех сенаторов и самых богатых горожан. Расправившись с ними, он мог занять пост правителя города, не опасаясь никакого внутреннего противодействия. И хотя карфагеняне дважды разбили его войско и *detum** осадили Сиракузы, Агафокл *non solum** сумел оборонить свой город, но и, оставив часть солдат для его защиты, совершить поход в Африку, что привело вскоре к освобождению Сиракуз, а Карфаген поставило на край гибели. Противники Агафокла были вынуждены вступить с ним в переговоры и удовольствоваться своими владениями в Африке, Сицилия же осталась за ним. Таким образом, если рассмотреть поступки и доблесть Агафокла, незаметно, чтобы он был многим обязан фортуне. Ведь мы уже говорили выше, что он сделался государем не по чьей-либо милости, но совершил восхождение по ступеням военной службы, каждый шаг по которым совершался среди бесчисленных опасностей и лишений; для охраны же своей власти ему пришлось прибегнуть ко множеству смелых и отчаянных решений. Но и доблестью нельзя называть убийство своих сограждан, предательство друзей, отказ от веры, сострадания, религии — такое по Гамилькару Барка — карфагенский полководец, участник Первой Пунической войны; усмирил мятеж ливийских наёмников 241–238 годов до н. э.; погиб в 229 году до н. э.

Сенат — высший государственный совет в Риме, состоявший из нескольких сот представителей знатных (патрицианских) родов. В императорскую эпоху сохранял формальное значение. Сенаторы носили титул «отцов».

Наконец (лат.).

Не только (лат.).

ведение может принести власть, но не славу. Однако, рассмотрев доблесть Агафокла в рискованных и опасных делах и величие его духа, претерпевшего и преодолевшего столько невзгод, мы не заметим ничего, что позволило бы поставить его ниже любого самого выдающегося полководца. И всё же его зверская жестокость и бесчеловечность вместе с бесчисленными злодеяниями не позволяют причислить его к сонму замечательных людей. Итак, его возвышение, которым он не был обязан ни везению, ни доблести, нельзя приписать ни тому, ни другому.

На нашей памяти, во времена Александра VI, Оливеротто из Фермо*, оставшись во младенчестве сиротой, был воспитан своим дядей с материнской стороны по имени Джованни Фольяни и в ранней юности отдан Паоло Вителли* для военной выучки с тем, чтобы совершить в дальнейшем военную карьеру. По смерти Паоло он воевал под началом его брата Вителлоццо* и вскоре, благодаря своей сообразительности, а также смелости духа и личному бесстрашию, стал первым человеком в его войске. Но так как ему казалось постыдным служить другим, он задумал захватить Фермо при поддержке Вителли и с помощью некоторых горожан, променявших свободу своей родины на порабощение. Оливеротто написал Джованни Фольяни, что после долгой разлуки хоОливеротто да Фермо (Эвфредуччи) — кондотьер, тиран города Фермо в Романье с декабря 1501 года; убит 31 декабря 1502 года в ловушке, устроенной Чезаре Борджиа для своих противников в Сенигаллии.

Вителли Паоло — сын Никколо, кондотьер Флоренции в войне с Пизой, казнён за измену 1 октября 1499 года.

Вителли Вителлоццо — сын Никколо, в 1502 году разжёг мятеж в Ареццо против Флоренции; участник заговора против Чезаре Борджиа в том же году, захвачен им в плен и казнён.

тел бы повидаться с ним и посетить родной город, чтобы навести при этом справки о своём наследстве, а поскольку целью его трудов всегда был почёт со стороны окружающих и он хотел, чтобы земляки убедились в успешности его усилий, Оливеротто собирался войти в город с почётом в сопровождении сотни всадников, своих друзей и слуг. Он просил дядю, чтобы жители Фермо устроили ему торжественный приём, оказывая этим честь не только Оливеротто, но и дяде, его воспитателю. Джованни оказал племяннику все подобающие почести, устроил ему парадный приём в Фермо и разместил в своих покоях. Через несколько дней, приготовив всё для задуманного злодеяния, Оливеротто затеял пышный пир, на который пригласил Джованни Фольяни и всех первых лиц в Фермо. Когда было выпито уже много вина и пир находился в самом разгаре, Оливеротто намеренно завёл разговор о некоторых непростых предметах, а именно о возвышении папы Александра и его сына Чезаре и об их поступках. Когда Джованни и прочие стали высказываться на эту тему, Оливеротто неожиданно поднялся и, говоря, что об этом следует беседовать без лишних ушей, вышел в другую комнату, куда последовали за ним Джованни и все остальные. Но едва они расселись по местам, как из засады выбежали солдаты, которые перебили всех присутствовавших, включая Джованни. После этой резни Оливеротто вскочил в седло, проехал по улицам и осадил правителей города в их дворце, так что страх заставил их подчиниться и поставить Оливеротто во главе правительства. Уничтожив всех недовольных, которые могли бы причинить ему вред, Оливеротто укрепил свою власть с помощью новых военных и гражданских установлений, так что не прошло и года с начала его владычества, а он не только чувствовал себя в безопасности в Фермо, но и стал наводить страх на всех своих соседей. И прогнать его оттуда было бы не менее трудно, чем Агафокла, если бы он не поддался обману со стороны Чезаре Борджиа, захватившего, как мы уже говорили, в Сенигаллии Орсини и Вителли. Схваченный там же Оливеротто был задушен через гол после совершённого им отцеубийства вместе с Вителлоццо, его наставником в злодеяниях и в доблести.

Может возникнуть вопрос, почему Агафокл, как и некоторые другие, подобные ему, после множества измен и совершённых жестокостей могли на протяжении многих лет благополучно жить у себя на родине и обороняться от внешних врагов, причём сограждане ни разу не устроили против него заговора. И это в то время, как многих других жестокость не спасла от потери власти etiam в дни мира, не говоря уже о тревожном военном времени. Я думаю, что дело в различии жестокостей хорошо употреблённых и употреблённых дурно. Хорошо употреблёнными жестокостями (если дурное дозволено назвать хорошим) являются те, к которым прибегают один раз, когда к этому понуждают интересы безопасности, а затем не упорствуют в них, но обращают, насколько это возможно, на благо подданных. Дурно употреблённые жестокости — это те, которые поначалу могут быть незначительными, но с течением времени не прекращаются, а, наоборот, начинают множиться. Соблюдающие первое правило могут, как Агафокл, защитить свою власть с помощью божеской и человеческой; все же прочие обречены на гибель. Отсюда следует, что, принимая власть, её носитель должен взвесить, какие обиды ему необходимо нанести, и приступить к ним ко всем разом, чтобы они потом не множились каждый день и чтобы тем самым успокоить людей и расположить их к себе благодеяниями. Кто из робости или по недомыслию станет поступать иначе, тот будет вынужден никогда не выпускать меч из рук и не сможет доверять своим подданным, ибо вследствие свежих и непрестанных расправ они не смогут быть уверены в нём. Ведь обиды следует наносить все разом, дабы их действие, сжатое по времени, могло притупиться; благодеяния же следует вершить постепенно, чтобы люди лучше прочувствовали их. Но прежде всего государь должен так поступать со своими подданными, чтобы никакие благоприятные или неблагоприятные события не заставляли его изменить своё поведение, ведь когда в несчастье тебя застигает нужда, к крутым мерам прибегать поздно, а лаской действовать бесполезно, ибо её сочтут вынужденной и ни в ком ты не встретишь благодарности.

Глава IX. О гражданском принципате

Обратившись к другому случаю, когда частное лицо становится государем своей отчизны вследствие благосклонности своих сограждан, а не путём злодеяния или другого недопустимого насилия, — такой род правления можно назвать гражданским принципатом (и достижение его не зависит целиком от доблести или удачи, а скорее от некоего удачливого лукавства), я скажу, что эта власть достаётся либо с помощью народа, либо с помощью грандов*. Ведь в любом городе существуют два течения, порождаемые тем, что народ старается избежать произвола и притеснений со стороны грандов, а гранды желают повелевать и подавлять народ. Борьба этих двух стремлений приводит в республиках к одному из трёх результатов: возникновению принципата, режиму свободы или произволу.

Зачинщиком принципата бывают народ или гранды, в зависимости от того, кому из них представится для этого случай, ибо когда гранды видят, что не могут более противостоять народу, они выдвигают кого-либо из своей среды и делают его государем, чтобы за его спиной удовлетворять свои аппетиты. Также и народ, если убеждается, что не может справиться с грандами, начинает поддерживать какое-то лицо и делает государем, чтобы его власть была народу защитой. Получившему власть с помощью грандов труднее удержаться, чем тому, кто становится государем благодаря народной поддержке, ибо в Гранды — современное Макиавелли обозначение знати.

в первом случае правитель окружён людьми как бы равными себе и не может им приказывать и распоряжаться ими по-своему. А государю, опирающемуся на народ, никто не мешает, и мало кто решится отказать ему в повиновении. Кроме того, грандам нельзя угодить достойным способом, не причиняя людям обид, а народу — можно, ибо у народа, который только не хочет быть угнетаем, цель более достойная, чем у грандов, которые сами хотят угнетать. Praeterea* от народа, вследствие его множества, у государя нет никакой защиты; число грандов невелико,

поэтому он может себя обезопасить. Худшее, чего может ожидать государь, если народ от него отвернётся, это остаться в одиночестве; гранды же в подобном случае не только бросят его на произвол судьбы, но ещё могут и выступить против него, ибо они хитрее и осмотрительнее, они всегда стараются вовремя обеспечить себе пути отхода и заигрывают с вероятным победителем. Государь также не может поменять свой народ, но прекрасно может обойтись без грандов, ибо их судьба в его руках, и он может каждодневно по своей воле осыпать их милостями или подвергать опале.

Чтобы лучше разяснить это обстоятельство, скажу, что грандов следует рассматривать в основном двояким образом. Либо они ведут себя так, что целиком полагаются на твою удачу, либо нет. Если первые не отличаются алчностью, их нужно поощрять и приближать к себе; о вторых можно судить двояко: возможно, они не полагаются на тебя из трусости и вследствие прирождённой слабости духа; в этом случае ты должен пользоваться преимущественно тем, кто способен дать хороший совет, ибо в счастье это послужит твоему успеху, а в несчастье тебе нечего их бояться. Но если они отстраняются от тебя намеренно и из честолюбивых побуждений, — это признак того, что их больше заботят собственные дела, чем твои. От этих людей государю следует держаться подальше и остерегаться их, как отъявленных врагов, потому что, случись беда, они постараются приблизить его падение.

Итак, государь, взойшедший на престол по милости народа, должен хранить его расположение, а это сделать будет нетрудно, ибо народ желает только избежать притеснений. Но человек, ставший государем с помощью грандов и вопреки воле народа, прежде всего обязан завоевать благосклонность последнего, что будет также нетрудно, если он возьмёт народ под свою защиту. А так как люди, облагодетельствованные тем, от кого они ожидали иного, сильнее привязываются к своему благодетелю, то такой государь обретёт народную приязнь ещё быстрее, чем если бы он стал правителем благодаря народу. Завоевать же любовь последнего государь может многими способами, на которые не существует правил, потому что они избираются применительно к людям, так что здесь мы не будем на них останавливаться. В заключение отмечу только, что государь должен жить в дружбе с народом, иначе в беде для него не будет спасения.

Спартанский царь Набис выдержал осаду всей Греции и натиск победоносного римского войска, отстояв в борьбе против них своё отечество и свои владения, и для этого ему достаточно было в минуту опасности принять меры предосторожности против нескольких человек. Но не будь народ на его стороне, этого было бы мало. И напрасно будут опровергать моё мнение избитой поговоркой: «Кто полагается на народ, строит на песке»; это справедливо тогда, когда частное лицо ищет опоры в народе и обольщается на его счёт, что тот будет защитой от врагов или от властей. Тут он может легко обмануться, как Гракхи* в Риме или мессер Джорджо Скали* во Флоренции. Но когда государь властный и неробкого десятка доверится народу, не теряя присутствия духа в неблагоприятных обстоятельствах, не пренебрегая прочими мерами и возбуждая всеобщее внимание своими делами и обычновениями, он никогда не разочаруется в народе и увидит, что не зря на него полагался.

Подобные государства находятся под угрозой, когда им предстоит переход от гражданского правления к абсолютному, и судьба их зависит от того, управляют ли государи сами или посредством чиновников; во втором случае их положение более шаткое и ненадёжное, ибо они целиком зависят от произвола тех граждан, которые занимают должности и без труда могут лишить государя власти, особенно в неблагоприятных для него обстоятельствах, выступив против него или отказавшись подчиниться. Государь же, попав в беду, не успеет овладеть неограниченной властью, потому что его подданные и сограждане, привыкнув выполнять распоряжения чиновников, не станут слушать его собственных, и в несчастье государь всегда будет испытывать нужду в доверенных лицах. Ведь такому правителю нельзя полагаться на то, что он видит в мирное время, пока граждане зависят от властей и каждый из них спешит на зов

государя, предлагает свои услуги и готов умереть за него, пока жизни этого человека ничего не угрожает. Но когда в час испытаний государство нуждается в гражданах, на многих рассчитывают — братья-трибуны из плебейского рода Семпрониев.

Скали Дж. — один из правителей Флоренции после подавления восстания чесальщиков шерсти — чомпи; за тиранические устремления обезглавлен в 1382 году.

вать ему не приходится. Подобные опыты ещё более опасны тем, что проводить их можно только один раз. Поэтому мудрый государь должен обдумать, каким способом следует при любых обстоятельствах поддерживать в гражданах потребность в государстве и в нём самом; тогда ему никто не станет изменять.

Глава X. Каким образом следует измерять силу всякого принципата

Оценивая качество принципатов, нужно иметь в виду ещё следующее соображение: располагает ли данный государь такими владениями, чтобы в случае необходимости он сам смог защитить себя, или ему обязательно потребуется помощь со стороны. Чтобы лучше объяснить это, скажу, что самостоятельно могут постоять за себя, на мой взгляд, те, кому изобилие подданных или денег позволяет снарядить порядочное войско и с ним противостоять в поле любому захватчику. Равным образом, зависимыми от других я считаю тех, кто не в состоянии встретиться с врагом лицом к лицу и бывает вынужден укрыться за крепостными стенами для обороны. Первый случай мы уже разобрали и в дальнейшем будем возвращаться к нему по необходимости. Во втором случае добавить нечего, разве что посоветовать этим государям укреплять свой город и пополнять его запасы, а на оставшуюся территорию не обращать внимания. Хорошенько отстроив городские стены и наладив отношения с подданными так, как мы говорили выше и как будем ещё говорить ниже, ты можешь гораздо меньше опасаться нападения, ибо люди чужаются трудных предприятий, а воевать с правителем воинственного города, если он не враждует с народом, очень нелегко.

Германские города обладают полной свободой, протяжённость округа каждого из них невелика, и они подчиняются императору, когда сами того пожелают, не страшась ни его, ни прочих окрестных князей, ибо они укреплены настолько, что их осада представляется всякому утомительной и тяжёлой. Все они окружены соразмерными рвами и стенами, располагают достаточным количеством пушек, в городских погребах держат годовые запасы еды, питья и топлива. Кроме того, чтобы обеспечить пропитание плебса без потерь для казны, у них всегда есть запас работы на год, которая может занять плебеев и обеспечивает жизнь и процветание города. Они также обращают много внимания на воинские упражнения и поддерживают их на требуемом уровне разными способами.

Итак, государь, который укрепил свой город и не внушает ненависти, может не опасаться нападения, а если кто-то и нападёт на него, то удалится несолоно хлебавши, ибо превратности мирских дел таковы, что навряд ли этот противник сможет праздно простоять целый год в осаде. А если возразят, что народ не станет спокойно наблюдать, как в предместье горят его постройки, и, изнурённый тяготами долгой осады, предпочтёт позаботиться о самом себе, а не о государе, я отвечу, что сильный и отважный государь всегда сумеет преодолеть эти трудности, то поддерживая в подданных надежду на скорое окончание бед, то устрашая их жестокостями врага, то избавляясь от слишком дерзких подобающим способом. К тому же противник, по всей вероятности, станет жечь и разорять окрестности сразу по прибытии, то есть тогда, когда в жителях ещё не угас дух сопротивления. Поэтому государю нечего опасаться — ведь через несколько дней, когда люди поостынут, несчастье уже случится, ущерб будет нанесён, и изменить будет ничего нельзя; им останется только теснее сблизиться с государем, ради которого они лишились крова и имущества, так что он, по их мнению, будет перед ними в долгу. Ведь люди по природе склонны привязываться не только к тем, от кого они испытывают благодеяния, но и к

тем, кому оказывают их. Следовательно, если всё взвесить, благоразумному государю нетрудно будет поддерживать твёрдость своих сограждан во время осады, лишь бы для этого хватило пропитания и средств защиты.

Глава XI. О церковных принципатах

В настоящее время нам остаётся обсудить только церковные принципаты; связанные с ними трудности относятся лишь к их приобретению, ибо приобретают их с помощью доблести или удачи, а для их удержания не требуются ни та, ни другая, ибо они опираются на старинные установления религии, столь могучей и влиятельной, что их государи остаются у руля власти, как бы они ни правили и поступали. Только они владеют государствами, но их не обороняют, владеют подданными, но ими не управляют, и государства, за отсутствием обороны, у них не отнимаются; и подданные, за отсутствием правления, ни о чём не беспокоятся — они не мыслят и не могут быть отчуждены от них. Таким образом, только этот вид государственного управления даёт счастье и покой, но поскольку этими государствами руководит высшая причина, недоступная человеческому уму, я не стану говорить об этом, ибо лишь самонадеянный и безрассудный человек отважился бы разглагольствовать на эту тему, ведь их возвышает и охраняет сам Бог. Тем не менее, когда бы кто-то стал у меня допытываться, отчего Церковь достигла такого светского величия, что если до Александра итальянские властители, и *non solum* те, что назывались державными властителями, но и всякий барон и сеньор, даже мельчайший, ни во что не ставили её светскую власть, а сегодня перед ней трепещет французский король, потому что она сумела изгнать его из Италии и сокрушить венецианцев, то, хотя это общеизвестно, мне кажется нелишним освежить причины этих событий в памяти.

Перед нашествием французского короля Карла в Италию власть в стране была поделена между папой, венецианцами, королём Неаполитанским, герцогом Миланским и флорентийцами. Заботой этих держав были в основном две вещи: чтобы в Италию не вторгались чужеземные войска и чтобы никто из итальянских властителей не расширил свои владения. Больше всего подозрений внушали папа и венецианцы. Венецианцев помогало сдерживать единение всех прочих, как было при защите Феррары*, а уздой для папы служили римские бароны, разделённые на две партии, Орсини и Колонна, которые без конца ссорились между собой. Затевая вооружённые стычки в непосредственной близости от папы, они делали его власть вялой и немогущей. И хотя иной раз появлялись отважные папы, например Сикст, *tamen* судьба или неспособность никогда не позволяли им избавиться от этого неудобства. Причиной тому — недолговечность пап, ибо за 10 лет, которые в среднем приходились на каждого из них, им с трудом удавалось ослабить одну из партий, и если, к примеру, кто-то из пап мог почти начисто извести приверженцев рода Колонна, то за ним на престол всходил другой, враг семейства Орсини, который поощрял возрождение первых, а вторых уже не успевал побороть. Из-за этого светская власть папы ценилась в Италии невысоко.

Затем появился Александр VI, который более чем кто-либо из всех ранее правивших пап показал, сколь веВо время «соляной войны» 1482–1484 годов на стороне Феррары были папа Сикст IV, герцоги Урбинский и Мантуанский. В результате войны Феррара стала независимой от Венеции.

лики возможности римского первосвященника, располагающего деньгами и силой, и совершил, через посредство герцога Валентино и пользуясь приходом французов, все вышеописанные деяния, о которых я говорил выше по поводу герцога. И хотя он собирался возвысить герцога, а не Церковь, его поступки послужили к её пользе, ибо после смерти папы и падения герцога Церковь унаследовала плоды трудов Александра. Потом на престол взошёл папа Юлий, который застал Церковь на подъёме, овладевшей всей Романьей и усмирившей римских баронов, партии которых были разгромлены ударами Александра. Кроме того, был открыт новый способ добывания денег, до Александра не использовавшийся*. Всё это *non solum* было воспринято

Юлием, но и приумножено им; он задумал присоединить Болонью, приструнить венецианцев и изгнать французов из Италии. Во всех этих начинаниях он преуспел и заслужил тем больше похвал, что сделал это для возвышения Церкви, а не какого-либо частного лица. Партии Орсини и Колонна он сохранил в том же состоянии, в котором нашёл их, и хотя кое-кто из их главарей был не прочь взбунтоваться, таме́н их сдерживали два препятствия: во-первых, величие Церкви, заставлявшее их опасаться, во-вторых, отсутствие своих кардиналов, которые обычно вызывали между ними раздоры. И всякий раз, как у этих партий будут появляться собственные кардиналы, они будут причиной беспорядков, ибо кардиналы питают в Риме и вне его партийный дух, и бароны бывают вынуждены его защищать. Таким образом, властолюбие прелатов рождает ссоры и мятежи среди баронов. Итак, Его Святейшество папа Лев принял титул главы могущественной Церкви, и если его предшественники возвысили её силой оружия, Под «новым способом» подразумевается продажа церковных должностей.

то можно надеяться, что он прославит и возвеличит её своим милосердием и неисчислимыми добродетелями.

Глава XII. Какого рода бывают войска и о наёмных солдатах

Мы обсудили в подробностях все разновидности принципатов, о которых я предложил беседовать вначале, отчасти рассмотрели причины их благоденствия и упадка и показали, какими способами многие пытаются их приобретать и удерживать за собой. Теперь же мне остаётся рассказать о том, каким образом каждый из вышеназванных принципатов может обороняться и нападать. Мы уже говорили прежде, что государю необходимо иметь надёжный фундамент, в противном случае он непременно потерпит крах. Основанием же всех государств, как новых, так и древних и смешанных, служат хорошие законы и хорошие войска. Но поскольку не может быть хороших законов там, где нет хорошего войска, а там, где оно есть, хорошие законы обеспечены, я не стану говорить о законах и скажу о войсках.

Итак, я полагаю, что силы, которыми государь защищает свои владения, либо являются его собственными, либо наёмными, либо союзными, либо смешанными. Полагаться на наёмные и союзные войска бесполезно и опасно, и если кто-то рассчитывает утвердить свою власть с помощью наёмников, то ему не видать покоя и благополучия, ибо они разобщены, тщеславны, недисциплинированы и ненадёжны. Храбрые с друзьями, они робки перед врагами; ни страха Божия, ни верности людям; они служат государю защитой только до первого боя; на войне тебя грабят враги, в мирное время — наёмники. Причина заключается в том, что в строю их удерживает небольшое жалованье, которого недостаточно, чтобы они пожелали умереть за тебя. Они готовы биться за тебя, пока нет войны, но когда война начинается, они предпочитают бежать или расторгнуть договор. Доказать всё это нетрудно, потому что теперешние беды Италии происходят именно от того, что вот уже многие годы она довольствуется наёмным оружием. Кое-кто добился с его помощью некоторого успеха, ибо наёмники храбрятся друг перед другом, но когда появился чужой захватчик, выяснилось, чего они стоят. Поэтому французский король Карл получил возможность захватить Италию с помощью одного мела*, и прав был тот*, кто указывал в качестве причины наши грехи, только это были не те грехи, что он думал, а те, о которых я рассказывал.

Попробую лучше продемонстрировать негодность этих воителей. Предводители наёмников могут блистать выдающимися качествами или нет; если они таковы, то на них нельзя полагаться, ибо они всегда будут думать о собственном возвышении, либо покушаясь на тебя как своего господина, либо ущемляя других, хотя бы это и не входило в твои намерения; если же эти командиры лишены доблести, они просто погубят тебя. На это можно возразить, что сказанное относится ко всем вождям, а не только к командующим наёмными войсками, но я отвечу, что к оружию могут прибегать или государи, или республики. Государь должен сам отправляться на

войну и выполнять обязанности полководца, республика же возлагает их на одного из граждан, и если этот человек окаС помощью мела, которым квартирьеры французской армии помечали дома для постоя. Эту фразу приписывали папе Александру VI.

Намёк на Джироламо Савонаролу.

зывается негодным, его следует заменить, в противном же случае — удерживать его в рамках закона, который он не должен преступать. Опыт показывает, что самостоятельные государи и вооружённые республики добились замечательных успехов, а наёмные войска всегда приносили только вред. К тому же одному из граждан гораздо труднее привести к повиновению республику, располагающую собственными вооружёнными силами, чем ту, которая пользуется чужой помощью.

Свобода Рима и Спарты на протяжении многих веков сопровождалась вооружением граждан. Швейцарцы защищают свою свободу собственными силами. Из древности *in exemplis* использования наёмных войск можно привести карфагенян, которые пострадали от собственных наёмников после первой войны с Римом, хотя во главе их карфагеняне ставили своих собственных сограждан. Фивяне после смерти Эпаминонда сделали своим полководцем Филиппа Македонского, а после победы он отнял у них свободу. После смерти герцога Филиппо миланцы наняли для войны с Венецией Франческо Сфорца, который одержал победу над врагом при Караваджо и соединился с ним ради борьбы против миланцев, своих хозяев. Другой Сфорца, его отец*, служивший у королевы Джованны Неаполитанской, в один прекрасный день оставил её безоружной, так что она, чтобы не лишиться власти, была вынуждена отдаться на милость короля Арагона. И если венецианцы и флорентийцы в своё время расширили собственные владения с помощью наёмников, но начальники последних не узурпировали у них власть, а всегда обороняли их, то я скажу, что флорентийцам в этом случае благоприятствовала судьба, потому что из тех доблестСфорца Муцио Атендоло (1369–1424) — кондотьер, основатель династии.

ных военачальников, которых следовало опасаться, одни не одержали побед, другие имели соперников, а третьи дали выход своему честолюбию в другом месте. Не добился победы Джон Хоквуд*, поэтому о его верности трудно судить; однако всякий согласится, что если бы он был удачливее, флорентийцы оказались бы в его власти. Намерениям Сфорца всё время противостояли отряды Браччо да Монтоне* — эти два полководца стерегли друг друга; Франческо устремил свои честолюбивые помышления на Ломбардию, Браччо выступил против Церкви и королевства Неаполитанского. Перейдём к тому, что случилось совсем недавно. Флорентийцы назначили своим командующим Паоло Вителли, мужа великого благоразумия, который приобрёл огромное влияние, будучи сначала просто частным лицом. Никто не станет отрицать, что если бы Вителли взял Пизу, то флорентийцы оказались бы беззащитными перед ним; если бы он перешёл на сторону противника, они не смогли бы с ним справиться, а удержав его на своей стороне, они должны были бы ему повиноваться.

Если рассмотреть успехи венецианцев, то мы увидим, что их положение было прочным и они стяжали славу, когда действовали своими силами, то есть до тех пор, пока они вступали в сражения на море, в которых их дворянство и вооружённый плебс проявили великую доблесть, но когда они перешли к завоеваниям на суше, эти качества их покинули и они переняли слабости всей остальной Италии. Когда венецианцы только начинали расширять свои владения на материке, они занимали маХоквуд Дж. — кондотьер на службе Флоренции с 1377 года; умер в 1393 году.

Браччо да Монтоне (Андреа Фортебраччо) (1368–1424) — один из известнейших кондотьеров Италии.

ленькую территорию и благодаря своему могуществу могли не особенно бояться своих военачальников. Но когда их пределы расширились, а это было при Карманьоле, им довелось убедиться в допущенной оплошности. Венецианские войска одержали блестящие победы и разгромили герцога Миланского под командованием этого предводителя, но затем он охладел к войне, и венецианцам ничего не оставалось, как казнить его, ибо новых побед он им принести не мог, так как не хотел воевать, а уволить его было нельзя, чтобы не потерять уже приобретённого. Затем командующими у них были Бартоломео да Бергамо, Роберто да Сан Северино, граф Питильяно* и им подобные, но при них опасаться следовало скорее поражений, чем успехов, что и подтвердилось при Вайлэ, где венецианцы за один день утратили всё накопленное такими трудами в течение 800 лет*. От наёмных отрядов можно долго ожидать запоздалых и незначительных приобретений, поражения же они приносят молниеносные и ошеломляющие. И раз уж эти примеры привели меня в Италию, где на протяжении многих лет главенствовали наёмники, я хочу немного вернуться назад, чтобы, рассмотрев происхождение и распространение наёмных войск, указать, как поправить дело.

Итак, вам следует обратить внимание на то, что за последнее время, как только власть империи стала в Италии ослабевать, а папа приобрёл больше светского могущества, страна разделилась на много государств, ибо многие крупные города подняли оружие против знати, которая прежде угнетала горожан при поддержке импеНа самом деле — Бартоломео Коллеони и Никколо Орсини.

Вайлэ, или Аньяделло — местечко, при котором войска Венеции были разбиты Камбрейской лигой 14 мая 1509 года. В результате Венеция лишилась большинства своих владений на материке.

ратора. Церковь благоволила к этим городам, дабы приумножить своё светское влияние; в других городах правителями стали выходцы из граждан. Поэтому почти вся Италия оказалась поделённой между церковью и несколькими республиками, граждане которых, как и священники, непривычны владеть оружием, так что они начали нанимать чужеземцев. Первую известность наёмные войска приобрели благодаря уроженцу Романьи Альберико да Конио*. Наряду с другими у него проходили выучку Браччо и Сфорца, которые в своё время вершили судьбы Италии. После них явились все остальные, кто до наших дней имел под началом наёмные отряды. В итоге их стараний Италия была опустошена Карлом, ограблена Людовиком, поставлена на колени Фердинандом и посрамлена швейцарцами. Обычай, которого придерживались все наёмники, желая придать себе больший вес, состоял в том, чтобы принизить роль пехоты. Они нуждались в этом, ибо, не обладая большими состояниями и живя своим ремеслом, не могли прокормить значительное число пехотинцев, немногие же не обеспечивали требуемого эффекта. Зато количество всадников, дававшее пропитание и уважение, было приемлемым. Дело дошло до того, что в двадцатитысячном войске не насчитывалось и двух тысяч пеших солдат. Кроме того, наёмники всячески старались избавить себя и своих солдат от трудов и опасностей, сражаясь не до смерти и беря пленных, за которых не требовали выкупа. Они не устраивали ночных штурмов, а защитники крепостей не устраивали вылазок; лагеря не обносили ни рвом, ни забором; осаду городов в зимнее время не вели. Всё это дозволялось их воинскими правилами, выработанными, как уже говорилось, во избежание Альберико да Барбиано, граф Кунео (Конио) — кондотьер.

тягот и опасностей, и таким образом они ввергли Италию в рабство и позор.

Глава XIII. О союзных, смешанных и собственных войсках

К оружию союзников, столь же никчёмному, прибегают, воззвав о помощи и защите к какой-либо могущественной державе. Так поступил недавно папа Юлий, убедившись под Феррарой в ненадёжности своих наёмных отрядов и обратившийся за подмогой на сторону: он договорился с испанским королём Фердинандом, что тот пришлёт ему свои конные и пешие отряды. Такие

войска могут быть хороши и надёжны сами по себе, но для призвавшего их почти всегда опасны, ибо в случае неудачи ты терпишь поражение, а вследствие победы оказываешься в их власти. Хотя примеров тому не счесть в древних историях, я остановлюсь всё на том же свежем примере папы Юлия II, который не мог придумать ничего хуже, чем отдать себя в руки иноземцу, чтобы только завладеть Феррарой. Но удача подсказала папе третий выход, дабы ему не пришлось пожинать плоды своего дурного выбора, потому что хотя его союзники были разбиты при Равенне*, но подошли швейцарцы, которые опрокинули победителей, так что вопреки всем ожиданиям папы и наблюдателей он не попал в плен к противнику, который бежал, и не стал игрушкой в руках союзников, ибо битву выиграли другие. Флорентийцы, не располагая никакими воинскими силами, привели для осады Пизы десять тысяч французов, благодаря чему они оказались перед лицом такой опасности, о которой и не слыхали за всю свою бурную историю. Император Константинопольский* для борьбы со своими соседями впустил в Грецию десять тысяч турок, которые не пожелали оставить её по окончании войны, и это привело к порабощению Греции неверными.

Итак, кто не желает победить, может воспользоваться услугами этих войск, ибо они гораздо опаснее наёмников; с ними твоё падение обеспечено, ибо они едины и подчиняются другим командирам. Наёмникам, чтобы выступить против тебя в случае победы, потребуется большее время и благоприятное стечение обстоятельств, так как они не образуют единого целого и к тому же наняты и оплачены тобой. Назначенный над ними командир не сможет сразу приобрести такую власть, чтобы выступить против тебя. В общем, в наёмных отрядах следует больше опасаться трусости, а в союзных — доблести.

Поэтому мудрый государь всегда старается обойтись без таких войск и опираться на собственные, предпочитая проиграть со своей армией, чем победить с чужой, ибо победа, добытая чужим оружием, ненастоящая. Не премину опять сослаться на Чезаре Борджиа и образ его действий. Герцог вошёл в Романью с помощью союзных войск и привёл туда одних французов, с которыми занял Имолу и Форли. Но, не считая надёжным этот род войск, он обратился к наёмным, полагая, что они представляют меньшую опасность; он взял к себе на службу Орсини и Вителли. В дальнейшем, убедившись по действиям этих войск, что они ненадёжны, вероломны и опасны, он покончил и с ними и стал набирать собственные отряды. О Иоанн VI Кантакузин (ок. 1293–1383) — император Византийской империи (1341–1354). В борьбе с политическими противниками опирался на турок-османов и позволил им укрепиться на европейском берегу.

различии между первыми и вторыми легко судить по той разнице, с которой относились к герцогу, когда у него были только французы, когда ему служили Орсини и Вителли и когда он стал распоряжаться собственными солдатами; его влияние при этом всё время росло, и никогда его так не уважали, как с того момента, когда он стал полновластным хозяином собственной армии.

Я не хотел отрываться от недавних итальянских примеров, таме́н не могу умолчать о Гиероне Сиракузском, одном из упоминавшихся уже мною правителей. Как я уже говорил, сиракузяне избрали его командующим войска, и он сразу понял никчёмность наёмников, которые напоминали наших итальянских кондотьеров. Поскольку невозможно было ни удерживать их, ни отпустить, Гиерон велел перебить их всех, и после этого он сражался только с помощью своих собственных солдат. Я хочу также привести на память один эпизод из Ветхого Завета, относящийся к подобному случаю. Когда Давид предложил Саулу отправиться на поединок с Голиафом, — филистимлянином, вызывавшим на битву, — Саул, чтобы подбодрить Давида, вооружил его собственными доспехами, но, примерив их, тот отказался, говоря, что они его стесняют, и предпочёл выйти на врага со своей пращей и своим кинжалом.

В конце концов чужое оружие обрушивается на тебя самого, начинает быть в тягость и стесняет тебя. Карл VII*, отец короля Людовика XI*, освободивший благодаря Карл VII (1403–1461) —

французский король (1422–1461), успешно закончил Столетнюю войну (1337–1451). В 1435 году создал регулярные войска из пехоты и кавалерии, так называемые ордоннансные роты, распущенные Людовиком XI. Подчинил французскую церковь власти короля.

своему везению и доблести Францию от англичан, проникся указанной необходимостью иметь собственное войско и учредил в своём королевстве особые отряды пехоты и конницы. Сын его, король Людовик, упразднил пешее войско и стал нанимать швейцарцев, каковая ошибка, подхваченная другими, в чём можно убедиться ныне, явилась причиной несчастий этого королевства. Возвысив швейцарцев, король снизил боеспособность всей своей армии, потому что пехоту он распустил, а кавалерию привязал к чужому оружию, ибо, привыкнув сражаться вместе с швейцарцами, она уже и не помышляла о том, чтобы побеждать без них. Вследствие этого французы не могут устоять против швейцарцев и без их помощи не отваживаются вступить в битву с другими. Таким образом, французская армия является смешанной, отчасти наёмной и отчасти национальной; такое войско в целом гораздо лучше просто наёмной или просто вспомогательной, но хуже полностью собственной армии. Ограничусь приведённым примером, ведь французское королевство было бы непобедимым, если бы учреждения Карла были развиты или сохранены. Но люди по своему неблагоразумию пускаются в заманчивые поначалу предприятия, не замечая яда, кроющегося под внешней оболочкой, как я говорил выше о чахоточной лихорадке.

Так что, кто не может распознавать грозящее государству зло при его зарождении, тот не может считаться истинно мудрым, а дано это немногим. И если рассмотреть первопричину падения Римской империи, то окажется, что она восходит к моменту, когда в римскую армию стали вербовать готов. Отсюда началось ослабление моЛюдовик XI (1423–1483) — французский король (1461–1483), боровшийся с крупными сеньорами, после смерти Карла Смелого в 1477 году присоединил Бургундию; присоединил также Анжу, Прованс и другие земли.

гущества империи, и вся отнятая у римлян доблесть переходила к варварам. Итак, я заключаю, что без собственных вооружённых сил ни один принципат не может быть в безопасности и станет зависеть от капризов судьбы, не располагая доблестью, защищающей его от неприятностей. Мудрые люди всегда придерживались того мнения, *quod nihil sit tam infirmum aut instabile quam fama potentiae non sua vi nixa**. К собственным войскам относятся те, которые состоят из твоих подданных, сограждан или ставленников; а все прочие принадлежат к союзным или наёмным. Способ же учредить собственное войско нетрудно отыскать, вникая в установления четырёх деятелей, названных мною выше, и рассмотрев, каких правил придерживались в отношении войска Филипп, отец Александра Великого, а также многие другие государи и республики, каковым правилам я и препоручаю себя всецело.

Среди дел человеческих нет ничего более шаткого и преходящего, чем слава не опирающегося на собственные силы могущества (лат.). — Тацит. «Анналы». Перевод А. С. Бобовича, с изменением.

Глава XIV. О том, что подобает государю в отношении военного дела

Итак, государь не должен иметь других мыслей и забот, не должен упражняться в ином искусстве, кроме военного дела, его постановки и изучения, ибо это единственное искусство, подобающее тому, кто правит. Достоинства воинского искусства таковы, что оно не только оберегает прирождённых государей, но зачастую возводит частных лиц на эту высшую ступень. И напротив, можно заметить, что те государи, которые думали больше о развлечениях, чем о битвах, лишились своих владений. Главной же причиной подобных утрат является пренебрежение названным искусством, в то время как поводом к приобретению власти бывает накопленная в нём опытность.

Франческо Сфорца, будучи вооружённым, из простого гражданина сделался герцогом Миланским, а его сыновья, избегавшие ратных трудов, подверглись обратному превращению.

Ведь оставаясь безоружным, наряду с другими бедствиями ты подвергаешься опасности быть презируемым, а это одна из тех позорных вещей, которых государь, как будет сказано ниже, должен остерегаться. Между человеком вооружённым и невооружённым нет никакого сравнения, и противно доводам разума, чтобы первый подчинялся второму, как и то, чтобы безоружный был в безопасности среди вооружённых слуг. Пренебрежение в одном и подозрения в другом не позволят им действовать согласно. Так что государь, не понимающий в военном деле, кроме других несчастий, как мы сказали, не сможет вызывать уважение у своих солдат и доверять им.

Поэтому государь никогда не должен отвращать своих взглядов от военного искусства, и в мирное время упражняться в нём следует ещё больше, чем в военное, а этого можно достичь двояким способом: либо путём действий, либо путём размышлений. В первом случае, кроме поддержания твёрдой дисциплины и боевой выучки в войсках, государь должен постоянно ездить на охоту и при этом приучать своё тело к лишениям, а также изучать природу местности, чтобы знать, где она поднимается в гору, где спускается в долину, насколько простираются ровные места и каковы особенности рек и болот; и всё это надлежит замечать с превеликим тщанием. Эти познания могут пригодиться вдвойне. Во-первых, они позволяют познакомиться со своей страной и наилучшим образом подготовиться к её защите; затем, благодаря изучению этих мест и полученным здесь навыкам, легче понять другие, в которых придётся вести разведку, потому что холмы, долины, поля, реки и болота, встречающиеся, например, в Тоскане, мало отличаются от тех, что расположены в других местах, так что, изучив рельеф одной области, можно без труда перейти к другим. Государь, не обладающий такими познаниями, лишён самого первого качества, необходимого командиру, ибо они научают находить врага, разбивать лагерь, перемещать войска, давать сражения и осаждать города с преимуществом на твоей стороне.

Наряду с другими качествами, которыми писатели наделяли главу ахейцев Филопемена*, его хвалили за то, что в мирное время он не помышлял ни о чём другом, как о военных действиях, и, прогуливаясь в сельской местности с друзьями, часто останавливался и задавал им вопросы: «Если бы противник находился на том холме, а мы с нашим войском здесь, у кого из нас было бы преимущество? Как можно было бы войти с ним в соприкосновение, сохраняя боевые порядки? Что нам следовало бы сделать, если бы мы захотели отступить? Если бы отступили они, каким образом мы должны были бы их преследовать?» Попутно он предлагал им для обсуждения различные происшествия, которые могут случиться в войске. Выслушав мнения своих приятелей, Филопемени высказывал собственное и подкреплял его доказательствами. Таким образом, после этих постоянных размышлений никакое положение не могло оказаться для него безвыходным, когда он предводительствовал войском.

Что же касается умственных упражнений, то государю следует читать исторические книги и в них обращать внимание на поступки выдающихся людей, присматриваться к тому, как они вели себя на войне, исследовать причины их побед и поражений, чтобы подражать первым и избегать последних, но прежде всего поступать так, как в прошлом некоторые великие люди, которые выбирали себе образцом для подражания прославленных и знаменитых предшественников, деяниям и подвигам которых они старались во всём следовать. Так, говорят, что Александр Великий подражал Ахиллу, Цезарь — Александру, а Сципион — Киру. Кто прочитает жизнеописание Филопемени (253–183 до н. э.) — стратег Ахейского союза, успешно воевал против Спарты и в 192 году добился её вхождения в союз. Попал в плен при Мессане и был казнён (отравлен).

сание Кира, составленное Ксенофонтом, тот увидит, насколько прославило Сципиона это его уподобление Киру и как совпадают целомудрие, обходительность и щедрость Сципиона с тем, что пишет о Кире Ксенофонт. Мудрый государь должен поступать подобным образом и в спокойное время никогда не предаваться праздности, а тратить его на приобретение навыков, которыми

можно будет воспользоваться при благоприятных обстоятельствах, с тем чтобы быть готовым противостоять капризам судьбы.

Глава XV. О том, за что хвалят или порицают людей, особенно государей

Теперь нам осталось посмотреть, какого поведения должен придерживаться государь в отношении подданных и друзей. А так как я знаю, что многие писали об этом, то не уверен, что не буду выглядеть самонадеянным, взявшись за перо, ибо, обсуждая этот предмет, я более всего расхожусь с другими. Но поскольку я намереваюсь написать нечто полезное для того, кто способен это понять, мне показалось правильнее следовать настоящей, а не воображаемой правде вещей. Многие воображали себе республики и княжества на деле невиданные и неслыханные, ведь между тем, как люди живут, и тем, как они должны были бы жить, огромная разница, и кто оставляет то, что делается, ради того, что должно делаться, скорее готовит себе гибель, чем спасение, потому что человек, желающий творить одно только добро, неминуемо погибнет среди стольких чуждых добру. Поэтому государю, желающему сохранить свою власть, нужно научиться быть недобрым и пользоваться этим умением в случае необходимости.

Итак, я оставляю воображаемых государей и, переходя к настоящим, скажу, что всем людям, о которых судят, а в особенности государям, стоящим выше прочих людей, приписывают некоторые качества, выражающие похвалу или порицание. Так, одного считают щедрым, другого — скупым, если взять тосканское название (потому что, по-нашему, жадный — это и тот, кто зарится на чужое, а скупым мы называем того, кто слишком неохотно пользуется своим); кого-то считают склонным к благотворительности, кого-то — к стяжанию; кого-то жестоким, кого-то сострадательным; одного вероломным, другого верным; одного изнеженным и трусливым, другого свирепым и отважным; одного человечным, другого надменным; одного сластолюбивым, другого целомудренным; одного прямодушным, другого хитрым; одного упрямым, другого покладистым; одного серьёзным, другого легкомысленным; одного набожным, другого неверующим и тому подобное. И я знаю, каждый объявит, что для государя самое похвальное — придерживаться вышеописанных качеств, то есть тех, которые почитаются хорошими, но поскольку невозможно ни иметь, ни соблюдать их полностью, ибо этого не позволяют условия человеческого существования, ему следует быть достаточно благоразумным, чтобы избежать дурной славы тех пороков, которые могут отнять у него государство, и остерегаться тех, которые не так опасны, если это возможно. Если же невозможно, на них не стоит обращать особого внимания. А тем более не стоит волноваться о дурной славе пороков, не впадая в которые трудно спасти государство, ибо если как следует всё рассмотреть, найдётся нечто, что покажется добродетелью, но ведёт к гибели, и нечто, что покажется пороком, но, следуя ему, можно достичь безопасности и благополучия.

Глава XVI. О щедрости и бережливости

Итак, начиная с первого из вышеназванных качеств, скажу, что было бы очень хорошо считаться щедрым, однако прилагаемые для этого усилия принесут тебе вред, ибо употреблённая с достоинством, как и должно, щедрость останется никому не известной, и ты не избежишь при этом нареканий в скупости. Если же ты хочешь сохранить среди людей звание щедрого, то не следует пренебрегать ни одним из видов излишеств, так что поступающий подобным образом государь истратит на такие предприятия всё своё достояние и в конце концов будет вынужден, желая сохранить за собой имя щедрого, чрезмерно обременить своих подданных и обложить их тяжкими налогами, прибегая ко всем ухищрениям, чтобы получить деньги. Это вызовет к нему ненависть в народе, а бедность — пренебрежение окружающих, так что, наградив своей щедростью немногих и раздражив из-за неё большинство, этот государь дорого заплатит за первые же трудности и будет смертельно рисковать при первой же опасности. Но если, предвидя это, он захочет повернуть вспять, его тотчас же обвинят в скупости.

Таким образом, раз уж государь, не нанося себе ущерба, не может прибегать к щедрости так, чтобы это было известно всем, то, желая быть благоразумным, он не должен прослыть скупым, ибо со временем его всё равно станут считать щедрым, видя, что он довольствуется, благодаря своей бережливости, собственными доходами. Он может защитить себя от захватчиков, может выступить в поход, не отягощая народ податями, и тем самым он проявляет свою щедрость ко всем тем, у кого он ничего не отбирает, а их несметное множество, и скупость по отношению к тем, кому ничего не даёт, каковых совсем немного. В наше время великие деяния на наших глазах совершали только те, кого считали скупыми; все остальные погибли. Папа Юлий II воспользовался славой щедрого, чтобы взойти на престол, но когда ему потребовалось вести войну, он и не думал о сохранении этой славы. Нынешний король Франции* вёл свои войны, не облагая подданных особым налогом, ибо мог нести дополнительные расходы благодаря своей многолетней бережливости. Царствующий король Испании* не выдержал бы стольких кампаний и не одержал стольких побед, если бы считался щедрым.

Поэтому государь, не желающий грабить своих подданных, быть беззащитным, стать нищим и презируемым, быть принуждённым к хищничеству, не должен тяготиться прозвищем скупого, ибо это один из тех пороков, которые позволяют ему править. Если же кто-то возразит, что Цезарь благодаря своей щедрости стал верховным правителем, а многие другие, кто был и кого считали щедрыми, достигли высочайших степеней, то я отвечу: либо ты уже являешься государем, либо ты находишься ещё на пути к этому званию. В первом случае щедрость вредна, во втором — считаться щедрым как раз необходимо. Цезарь был одним из тех, кто хотел утвердить свой принципат в Риме, но если бы после того он остался в живых и не умерил свои расходы, его власть оказалась бы под угрозой. Если же мне скажут: было много государей, которые прославились как в высшей степени щедрКороль Франции — Людовик XII (ум. в 1515).

Фердинанд Католический.

рые и со своими войсками свершили великие подвиги, то я отвечу: государь может расходовать либо добро своих подданных и своё собственное, либо чужое; в первом случае ему следует быть умеренным, во втором же его щедрость ничто не ограничивает. Тот государь, который выступает со своими войсками и пополняет свои средства за счёт трофеев, грабежей и выкупов, пользуется чужим, и ему не обойтись без указанной щедрости, ибо в противном случае солдаты за ним не пошли бы. А то, что не принадлежит ни тебе, ни твоим подданным, можешь свободно раздавать направо и налево, подобно Киру, Цезарю и Александру, ибо расходование чужого добра не уменьшает уважения к тебе, а увеличивает его. Вредно только истратить своё собственное. Нет ничего более расточительного, чем щедрость, ведь, прибегая к ней, ты всё более теряешь эту способность и становишься либо бедным, либо презируемым, либо, при попытке избежать нищеты, алчным и всем ненавистным. А среди того, чего должен остерегаться государь, находятся ненависть и презрение; щедрость же приводит и к тому и к другому. Таким образом, более мудро довольствоваться званием скупого, которое влечёт за собой дурную славу, но не ненависть, чем ради прославления собственной щедрости быть вынужденным прослыть хищником, что навлечёт на тебя и порицание, и ненависть.

Глава XVII. О милосердии и жестокости и о том, что лучше: внушать скорее любовь, чем страх, или наоборот

Переходя, далее, к другим из вышеназванных качеств, скажу, что всякий государь должен стремиться к тому, чтобы его считали милосердным, а не жестоким, тем не менее он должен остерегаться, как бы не употребить это добронравие во зло. Чезаре Борджиа считали жестоким, однако эта его жестокость восстановила порядок в Романье, объединила её, возвратила ей мир и согласие. И если хорошенько подумать, то он поступил гораздо милосерднее, чем флорентийский народ, который предоставил раздираемую смутой Пистойю собственной участи ради того, чтобы

избежать подозрения в жестокости*. Поэтому государю не следует заботиться о дурной славе жестокого, когда он хочет удержать своих подданных в единстве и повиновении, ибо, покарвав для острастки немногих, он проявит куда больше милосердия, чем те, кто из чрезмерной любви к ближнему не решается пресечь беспорядки, чреватые грабежами и убийствами. Макиавелли посвятил в своё время этим событиям, как и в случае с мятежом в Ареццо, записку «Сообщение о сделанном Флорентийской республикой для примирения партий в Пистойе» (1501).

Ведь смута наносит вред всему обществу, а выносимые государем приговоры направлены против отдельных лиц. Но среди всех властителей новому государю невозможно избежать обвинений в жестокости, поскольку новую власть окружает множество опасностей. Так, Вергилий говорит устами Дидоны: «*Res dura, et regni novitas me talia cogunt moliri, et late fines custode tueri*»*.

Тем не менее такой государь не должен быть легковерен и скор на поступки, и, так как у страха глаза велики, ему следует действовать умеренно, сохраняя благоразумие и человечность, чтобы излишняя доверчивость не обратилась в неосторожность, а чрезмерная подозрительность не сделала его правление невыносимым.

Тут возникает спорный вопрос: что предпочтительнее — быть любимым или внушать страх. Ответ таков, что желательно и то и другое, но поскольку трудно соединять в себе оба этих свойства, гораздо надёжнее внушать страх, чем любовь, если уж приходится выбирать одно из них. Ведь о людях вообще можно сказать, что они притворщики, бегут от опасности, жадны до наживы. Когда делаешь им добро, они навек твои, они готовы пожертвовать для тебя жизнью, имуществом и детьми — если, как уже сказано, надобности в этом не предвидится. При первом же её появлении их как не бывало. И государь, который целиком основывается на людских обещаниях и не ищет себе другой опоры, гибнет, ибо друзья, которых можно приобрести за плату, легко покупаются, но на них нельзя положиться, и в нужное время они ничего не стоят. Людям легче нанести обиду тому, кто действует добром, чем тому, кто внушает «Злая судьба с новизной державы меня принуждают так поступать и хранить широко окраины стражей» (лат.). — «Энеида». Перевод А. Фета.

опасение, ибо любовь поддерживается узами благодарности, которые люди, вследствие своих дурных наклонностей, разрывают при первом выгодном для себя случае. Страх же заключается в боязни наказания, которая тебя никогда не покидает. При всём том государь должен внушать страх таким образом, чтобы, не рассчитывая на любовь, избежать и ненависти, ибо очень даже можно быть грозным и в то же время не быть ненавистным. Для этого достаточно воздерживаться от посягательств на имущество своих подданных и сограждан и на их женщин, а если всё же потребуются нанести кому-то кровную обиду, то делать это при наличии должного оправдания и очевидной причины. Но самое главное — нельзя покушаться на чужое добро, ибо люди скорее позабудут о смерти отца, чем об утрате наследства. Кроме того, предлог для конфискации всегда найдётся, и тот, кто станет жить за счёт грабежа, всегда найдёт повод наложить руку на чужую собственность. Напротив того, причин для личных обид куда меньше, и отважиться на них не так легко. Но когда государь занят войском и управляет множеством солдат, необходимо совершенно не обращать внимания на упрёки в жестокости, без которых никогда не удавалось поддерживать в войске единство и боеспособность. К удивительным деяниям Ганнибала причисляют следующее: в его огромном войске, состоявшем из разноплеменного множества людей и вступившем в чужие земли, никогда не возникало междоусобных беспорядков или мятежей как в благоприятных, так и в бедственных обстоятельствах. И это можно приписать только его бесчеловечной жестокости, которая, в сочетании с другими доблестными качествами, всегда заставляла солдат уважать и бояться его, а не будь он жестоким, всех его достоинств для этого было бы недостаточно. Но недалёковидные писатели, восторгаясь вышеназванной дисциплиной, порицают главную её причину. А то, что других качеств недостаточно, можно видеть на примере деятеля, необыкновенного не только для своего времени, но и на всей памяти человечества —

Сципиона, против которого в Испании взбунтовалось его войско. Это случилось только из-за его чрезмерной снисходительности, из-за которой в солдатах укоренилась распущенность, несовместимая с воинской дисциплиной. Фабий Максим обвинил в этом Сципиона в Сенате и назвал его развратителем римской армии. Локряне, разорённые одним из легатов* Сципиона, не были им отомщены, а сам легат ничем не поплатился за свою дерзость, и всему этому причиной — мягкость Сципионовой натуры, так что один из его защитников в Сенате говорил, что есть люди, которым легче не ошибаться, чем исправлять ошибки. Природа Сципиона должна бы была со временем поколебать его славу и известность, если бы он, командуя войсками, дал ей волю; но так как он подчинялся велениям Сената, её опасные стороны non solum были сглажены, но и принесли ему хвалу.

Итак, возвращаясь к вопросу о любви и страхе, я заключаю, что поскольку испытываемая людьми любовь зависит от них самих, а страх — от государя, мудрый же правитель должен опираться на то, что в его власти, а не во власти других, то ему следует лишь прилагать усилия, дабы избежать ненависти, как было сказано выше.

Легат — в римском войске помощник полководца; позднее командир легиона. В Средние века — посол папы.

Глава XVIII. Каким образом следует государям держать слово

Сколь похвально для государя держать слово и действовать с чистым сердцем, без хитростей, понимает всякий. Тем не менее опыт нашего времени показывает, что свершили великие дела те государи, которые мало заботились о том, чтобы держать слово, и умели дурачить людей своими уловками. В конце концов они одерживали верх над теми, кто уповал на честность.

Итак, вам следует знать, что можно вести борьбу двумя способами: опираясь на закон или с помощью насилия. Первый способ применяется людьми, а второй — дикими животными, но поскольку первого часто бывает недостаточно, требуется прибегать ко второму. Поэтому государь должен уметь подражать и зверю, и человеку. Этот совет в иносказании давали государям древние писатели, которые сообщают, что Ахилл и многие другие из старинных властителей были отданы на выучку кентавру Хирону, который должен был их растить и воспитывать. А иметь наставником полуживотного и получеловека означает для государя не что иное, как необходимость пользоваться природой и того и другого, ибо с помощью одной из них долго не продержаться.

И раз государю необходимо владеть искусством подражания зверям, он должен избрать из них льва и лисицу, потому что лев не защищён от капканов, а лиса — от волков. Следовательно, нужно быть лисой, чтобы избежать ловушек, и львом, чтобы напугать волков. Те, кто выбирает одного льва, этого не понимают. Благоразумный правитель не может и не должен быть верен обещанию, если это оборачивается против него и исчезли причины, побудившие его дать слово. Если бы все люди были добры, это был бы дурной совет, но так как они склонны ко злу и не будут верны тебе, ты не обязан быть верен им. До сих пор у всех государей было в избытке законных поводов, чтобы оправдать нарушение обещания. Можно было бы привести бесчисленные современные примеры и показать, сколько мирных договоров, сколько обязательств было нарушено и обесценено из-за неверности государей, — кто из них лучше использовал лисью натуру, тому всегда больше везло. Но нужно хорошенько прикрывать подобные поступки и быть великим притворщиком и лицедеем. Люди же так простодушны и столь поглощены насущными заботами, что обманщик всегда найдёт того, кто даст себя обмануть.

Не хочу умолчать об одном из свежих примеров. Александр VI не занимался ничем иным и не помышлял ни о чём, кроме того, чтобы обманывать людей, и всегда находил, с кем это проделывать. Не было человека, который бы с большим рвением настаивал на своих утверждениях и подкреплял их более сильными клятвами и в то же время меньше с ними

считался; тем не менее все обманы удавались ему *ad votum**, ибо в подобных мирских делах он знал толк.

Таким образом, государю нет нужды обладать всеми вышеописанными качествами, — надо только, чтобы казалось, что они у него есть. Я решусь сказать даже, что при постоянном их наличии и соблюдении они становятся вредны, а когда кажется, что они есть, — полезны. Так, нужно казаться милосердным, верным, человечным, набожным, прямодушным — и быть, но следует подготовить свой дух к тому, чтобы при необходимости ты мог и уметь стать противоположным. И надо понять, что государь, особенно новый, не может соблюдать всего, за что людей почитают хорошими, и бывает часто вынужден во имя спасения государства действовать против веры, против милосердия, против человечности, против религии. Однако его помыслы должны повиноваться воле переменчивого ветра судьбы и, как я сказал выше, не отклоняться от блага, но уметь приступить к необходимому злу.

Итак, государь должен позаботиться о том, чтобы с уст его не слетало ни одного слова, которое бы не было преисполнено пяти вышеописанных качеств, и чтобы видящим и слышащим его казалось, что он весь — воплощение милосердия, верности, прямодушия, человечности и благочестия. И нет ничего полезнее, чем видимость обладания этим последним качеством. Люди в целом судят больше на взгляд, чем на осязание, ибо видеть дано всякому, а притронуться — нет. Каждый видит, чем ты кажешься, мало кто понимает, что ты есть на самом деле, и эти немногие не решатся выступить против мнения большинства, на стороне которого защищающее его величие государства, так что в действиях всех людей, а в особенности государей, кои никому не подсудны, смотрят на результат. Пусть государь победит и сохранит государство: средства будут всегда сочтены достойными, и всякий станет их хвалить, потому что толпа поглощена видимостью и исходом событий, а на свете всюду одна лишь толпа, и мнение немногих имеет вес, когда большинству не на что опереться. Один из государей нашего времени, которого неудобно называть*, только и проповедует, что верность и мир, хотя сам он заклятый враг и того и другого. И если бы он соблюдал свои призывы, то давно бы лишился и своего влияния, и владений.

Имеется в виду Фердинанд Католический.

Глава XIX. Как избегать ненависти и презрения

Но поскольку я рассказал о самых важных качествах из упомянутых выше, остальные хочу обсудить вкратце, исходя из того общего положения, что государь, как отчасти уже говорилось, должен позаботиться о том, чтобы избежать поступков, могущих навлечь ненависть или презрение, и, избегая их, он добьётся своего, иные же хулы не составят для него опасности. Ненависть к государю, как я уже сказал, чаще всего вызывают его алчность и посягательство на жён и имущество подданных, от чего должно воздерживаться. И если у большинства людей не отнимают ни чести, ни имущества, они довольствуются этим, и остаётся только справиться с притязаниями меньшинства, каковые нетрудно умерить многими способами. Презрение на государя навлекают переменчивость, легкомыслие, изнеженность, трусость и нерешительность — этих подводных камней государь должен пуще всего остерегаться и стараться придать своим деяниям величие, дерзновенность, основательность и мощь, своих решений по частным делам подданных придерживаться неукоснительно и так себя поставить, чтобы никто и не помышлял обмануть его или сбить с толку.

Государь, который упрочил о себе такое мнение, пользуется уважением, а против уважаемых государей редко устраивают заговоры, и редко нападают на того, кого считают выдающимся и почитаемым своими подданными. Ведь государю могут угрожать две опасности: одна — изнутри, исходящая от подданных; вторая — снаружи, связанная с соседними державами. Внешнюю опасность можно предупредить с помощью хорошего войска и хороших союзников, а кто обладает хорошим войском, у того всегда будут хорошие союзники. Внутренний же покой, если

только не возникнет заговор, всегда будет непоколебимым, если будет нерушимым внешний; и даже если внешнее спокойствие будет нарушено, когда государь живёт и поступает по указанным мною правилам и не опускает руки, он всегда выдержит любой натиск, как спартанец Набис, о котором я рассказывал. Что касается подданных, то, пока внешние дела в порядке, следует опасаться только тайных заговоров, от коих государь может обезопасить себя, избегая ненависти и презрения и живя в ладу с народом, чего необходимо добиваться, как подробно говорилось выше. Одно из самых действенных средств против заговоров состоит в том, чтобы не внушать всеобщей ненависти, ибо убийством государя заговорщики думают угодить народу. Если же они на это не надеются, навряд ли они отважатся на такой поступок, ибо на этом пути их ждут неисчислимые препятствия. Опыт показывает, что из множества заговоров лишь редкие увенчались успехом. Заговорщик не может действовать в одиночку, а товарищами ему служат только те, кого он считает недовольными. Раскрыв перед таким недовольным свои намерения, даёшь ему повод поправить своё положение, ибо он может ожидать для себя явных выгод от твоего признания. Видя с одной стороны сплошной приют, а с другой — опасности и неверный исход, он не изменит, только будучи твоим преданным другом или заклятым врагом государя. Чтобы объяснить короче, скажу, что на стороне заговорщика — страх, подозрительность, ужас грозящей ему казни, а на стороне государя — величие власти, закон, поддержка его сторонников и государство. И если ко всему этому прибавляется народное расположение, навряд ли безрассудство подтолкнёт кого-либо к заговору. Ведь если обычно опасности поджидают заговорщика до исполнения злодеяния, то в этом случае и после совершения преступления ему нигде будет укрыться вследствие враждебности народа.

На этот счёт можно привести множество примеров, но я хочу ограничиться одним, бывшим на памяти наших отцов. Мессер Аннибале Бентивольи*, бывший государем Болоньи, — дед нынешнего мессера Аннибале, погиб от рук заговорщиков Каннески, и единственным наследником у него оставался мессер Джованни, который тогда находился ещё в пелёнках. Однако сразу после убийства народ восстал и перебил всех Каннески. Причиной тому была благосклонность народа, каковой пользовался в то время дом Бентивольи; и эта благосклонность была столь велика, что болонцы, ввиду отсутствия после смерти Аннибале подходящих правителей, отправились во Флоренцию, где, как выяснилось, жил один из представителей рода Бентивольи, которого до того считали сыном кузнеца, и вручили этому человеку власть в своём городе. И он пользовался ею до тех пор, пока мессер Джованни не достиг приемлемого для правителя возраста*.

Итак, я заключаю, что государь не должен беспокоиться о заговорах, пока народ к нему расположен, но если народ враждебен и ненавидит государя, последнему приходится бояться всех и каждого. Правильно устроенное государство и мудрые правители прилагали все усилия к тому, чтобы не доводить до крайности грандов и Бентивольи Аннибале — дед современника Макиавелли Аннибале, сын Джованни II, кондотьер, вместе с братом правил в 1511–1512 годах, убит в 1445 году.

Двоюродный дядя Джованни Бентивольи, Санти, управлял Болоньей до 1462 года.

жить с народом в мире и согласии, ибо в этом состоит одна из важнейших забот государя.

Среди хорошо устроенных и управляемых в наше время королевств назовём Францию, которая располагает множеством прекрасных установлений, обеспечивающих свободу и безопасность короля. Первое из них относится к парламенту и его влиянию. Устроитель названного королевства, памятуя о честолюбии и неукротимости знати и желая наложить на неё узду, а с другой стороны, зная о всеобщей ненависти к грандам, вызванной страхом, и желая обезопасить их, не стал обременять этим короля, дабы не вызвать на него нареканий со стороны грандов за питаемую им к народу слабость и со стороны популяров* — за потворство грандам, и обратился к

третейскому судье, который без ущерба для короля сокрушал бы грандов и помогал низам. Трудно вообразить более разумный или совершенный порядок, чтобы обезопасить короля и королевство. Отсюда можно извлечь и ещё один полезный совет: поручение, навлекающее неприязнь, государю следует давать другим, а благодеяния вершить самому. И опять я заключаю, что государь должен почитать грандов, но остерегаться ненависти народа.

Если обратиться к жизни и смерти некоторых римских императоров, вероятно, кому-то покажется, что есть примеры, противоречащие моему мнению, ибо многие из них жили достойно и выказали великую доблесть духа, но тем не менее лишились власти в результате заговора своих людей. Желая ответить на эти возражения, я рассмотрю качества некоторых императоров и Популяры — народная партия в Риме; Макиавелли использует это название и для современной ему Флоренции.

назову причины их крушения, не отступая от приведённых мною соображений. При этом я отчасти остановлюсь на событиях, обративших на себя внимание в истории того времени. Я ограничусь только теми императорами, которые сменяли друг друга на троне, от Марка-философа до Максимиана. Это Марк, его сын Коммод, Пертинакс, Юлиан*, Север, его сын Антоний* Каракалла, Макрин, Гелиогабал*, Александр* и Максимиан. Прежде всего следует заметить, что если другим государям противостоит только честолюбие грандов и необузданность народа, то римские императоры столкнулись с третьей трудностью — они должны были считаться с жестокостью и жадностью солдат. И трудность эта была такова, что привела к падению многих, ибо нелегко угодить одновременно и солдатам и народу. Ведь народ предпочитал мир и, следовательно, благоволил к кротким государям, солдаты же любили государей воинственных, а также жестоких, свирепых и хищных. И эти качества последние должны были вымещать на народе, чтобы удвоить жалование солдатам и дать выход их алчности и жестокости. Всё это привело к тому, что императоры, не имевшие природных или благоприобретённых качеств, которые позволили бы им обуздать и народ, и войско своим влиянием, всегда кончали плохо. Большинство из них, в особенности те, которые были новыми людьми у власти, осознавая противоЮлиан Марк Дидий (133–193) — император, правил 66 дней в 193 году после Пертинакса, купив власть у преторианцев за 25 тыс. сестерциев.

Так в тексте оригинала.

Гелиогабал Марк Аврелий Антонин (204–222) — император (218–222), жрец сирийского бога солнца Элагабала; убит преторианской гвардией.

Александр Север Марк Аврелий (208–235) — император (222–235), последний из династии Северов, убит вместе с матерью Юлией Маммеей во время мятежа Максимиана.

положность названных требований, предпочитали уболаговаривать солдат, пренебрегая обидами, наносимыми народу. К этому вынуждала необходимость, ибо если государь не может застраховать себя от чьей бы то ни было ненависти, он должен постараться оградить себя от ненависти всеобщей. Если же и этого нельзя добиться, то следует всячески избегать ненависти со стороны тех групп, которые наиболее сильны. И вот те императоры, которые, не имея прочных корней, нуждались в особенной поддержке, склонялись более к солдатам, чем к народу, что, однако, могло пойти им не только на пользу, но и во вред, в зависимости от того, как они могли себя поставить с войском. В силу этих причин и получилось так, что Марк, Пертинакс и Александр, придерживавшиеся в жизни умеренности, поборники справедливости, чуждые жестокости, снисходительные и человеколюбивые, — все, кроме Марка, плачевно окончили свои дни. Только Марк жил и умер в почёте, потому что он получил власть *iure hereditario** и не был обязан ею ни солдатам, ни народу; к тому же, обладая многими достоинствами, вызывавшими к нему уважение, он во время своего правления всегда удерживал и народ и войско в должных границах, никогда не подвергаясь ненависти или презрению. Пертинакс же, без сомнения, был избран

императором вопреки воле солдат, которые привыкли к беспутной жизни при Коммодe и не желали мириться с правилами добронравия, которые навязывал им Пертинакс. Таким образом, последний вызвал ненависть, соединившуюся ещё и с презрением к его старости, что и привело к гибели императора в самом начале его царствования.

По праву наследования (лат.).

Тут следует заметить, что ненависть можно навлечь на себя как посредством добрых дел, так и дурных, поэтому, как я уже говорил выше, желая сохранить за собой власть, государь часто бывает вынужден быть недобрым, ведь если совокупность народа, или солдат, или грандов, в которых ты нуждаешься, чтобы удержаться у власти, испорчена, ты должен следовать её настроением, дабы угодить ей, и тогда добрые дела для тебя пагубны. Но перейдём к Александру, добросердечие которого было столь велико, что среди прочих расточаемых ему похвал утверждали, будто за 14 лет его пребывания у власти он ни разу никого не казнил без суда. Тем не менее он навлёк на себя презрение тем, что его считали человеком изнеженным и орудием в руках матери, поэтому в войске возник заговор против него, и он был убит.

Приступая теперь, напротив, к качествам Коммодa, Севера, Антония Каракаллы и Максимина, вы убедитесь в их жестокости и алчности. Чтобы угодить солдатам, они не гнушались ни одним из злодеяний, которые можно было свершить по отношению к народу; и все они, кроме Севера, плохо кончили. Север же был наделён такой доблестью, что хотя он и притеснял народ, но, опираясь на поддержку солдат, правил всегда благополучно, ибо его доблестные качества вызывали такое удивление среди народа и солдат, что первый был ошеломлён и пребывал *quodammodo** в оцепенении, а вторые были удовлетворены и почтительны. И так как поступки этого императора были выдающимися для нового государя, я хочу вкратце показать, сколь успешно он умел соединять в себе свойства льва и лисицы, которым, как я говорил, государю необходимо подражать. Когда Север убедился в никчёмности императора Юлиана, он склонил войско, находившееся под его началом в Славонии, отправиться в Рим, чтобы отомстить за смерть Пертинакса, убитого преторианцами. И под этим предлогом, не выказывая никаких притязаний на власть, он выступил с войском в Рим и оказался в Италии раньше, чем туда пришла весть о его походе. В Риме Сенат после убийства Юлиана из страха избрал Севера императором. Положив этим начало своей власти, он должен был, чтобы упрочить её, справиться с двумя трудностями: в Азии, где провозгласил себя императором Нигер, возглавлявший тамошнее войско, и на западе, где к власти примерялся Альбин. Север полагал опасной борьбу сразу с обоими, поэтому он решил напасть на Нигера, а Альбина обмануть. Он написал последнему, что Сенат избрал его императором и он хочет разделить это достоинство с Альбином, которому посылает титул цезаря и по решению Сената объявляет его своим соправителем; всему этому Альбин поверил. А когда Север победил и расправился с Нигером и водворил спокойствие на востоке, по возвращении в Рим он стал жаловаться в Сенате на Альбина, который вместо благодарности за полученную от него власть коварно пытался покушаться на Севера, почему последний был вынужден отправиться и наказать его. Север выступил во Францию, где лишил Альбина и власти, и жизни.

Итак, разбирая пристально деяния Севера, можно обнаружить, что он поступал как самый свирепый лев и самая хитрая лиса, а все окружающие уважали и боялись его. Войско же не питало к нему ненависти, поэтому неудивительно, что этот новичок сумел удержать за собой императорскую власть: огромный авторитет защищал Севера от той ненависти, которая могла родиться в народе вследствие его хищений. Сын Севера Антонин также обладал выдающимися качествами, поражавшими народ и привлекавшими к нему солдат, ибо он был приучен к военному делу, не боялся лишений, был неприхотлив в еде и чуждался роскоши; это снискало ему любовь всего войска. Однако его кровожадная жестокость привела к тому, что, перебив большую часть жителей Рима и всех жителей Александрии, не говоря об отдельных лицах, он стал ненавистен всем, ибо наводил ужас даже на своих приближённых, так что погиб от руки одного из

центурионов* посреди своего войска. Заметим, что подобных покушений, устраиваемых одержимыми такой идеей личностями, государи не могут избежать, ибо на это может отважиться всякий, кто не боится смерти; но такие случаи очень редки и потому менее опасны. Не следует только наносить тяжкие обиды кому-либо из слуг или приближённых, составляющих придворный штат, о чём не подумал Антонин, предавший позорной смерти брата упомянутого центуриона и, несмотря на постоянные угрозы последнего, оставивший его в рядах своих телохранителей. Такой поступок был опасным безрассудством, погубившим Антонина.

Перейдём теперь к Коммоду, которому было нетрудно сохранять за собой власть, принятую *iure hereditario* от Марка, его отца, для чего ему достаточно было идти по стопам последнего, что не вызвало бы протеста со стороны народа и солдат. Но, обладая свирепым и зверским нравом, который подталкивал его к бесчинствам над народом, Коммод стал заигрывать с войском и идти у него на поводу. В то же время он не заботился о своей репутации, снисходя до самоличного участия в боях с гладиаторами и других низких и недостойных императорского титула поступков, что вызывало презрение солдат. Ненависть с одной стороны и презрение — с другой привели к устройству заговора, и Коммод был убит.

Нам остаётся рассказать о качествах Максимина. Он был человеком воинственным, и после смерти Александра, который, как я говорил выше, отталкивал войско своей изнеженностью, императором был избран Максимин. Правил он недолго, потому что ненависть и презрение к нему вызывали две вещи: во-первых, его низкое происхождение, ибо в своё время он пас овец во Фракии (об этом все знали и относились к нему с большим пренебрежением); и, во-вторых, то, что в начале своего правления он не поторопился отправиться в Рим и принять на себя правление в столице империи, а между тем прославился своей жестокостью, потому что в Риме и во всех прочих местах его префекты* чинили многочисленные насилия. Таким образом, Максимин вызвал всеобщее негодование низостью своего рода и всеобщую ненависть вследствие страха перед его жестокостью, так что против него сперва взбунтовалась Африка, затем Сенат и весь римский народ, и в конце концов против него восстала вся Италия. К ней присоединилось его собственное войско, которое осаждало Аквилею и претерпевало большие тяготы; утомлённые жестокостью Коммода и укрепляемые сознанием всеобщей к нему враждебности, солдаты убили его.

Я не стану говорить ни о Гелиогабале, ни о Макрине, ни о Юлиане, которые заслуживали полного презрения и очень быстро погибли; перейду к заключению настоящих рассуждений. Скажу, что современные государи Префект — начальственная должность для управления различными административными и военными единицами и ведомствами.

не сталкиваются с такой необходимостью угождать солдатам особенным образом и считаться с ними в делах правления, ибо, хотя о них и не следует забывать, *tamen* с ними нетрудно справиться, поскольку никто не держит постоянных войск, которые десятилетиями находились бы у кормила власти в столице и в провинциях, как это было в Римской империи. Если в ту пору следовало больше считаться с солдатами, чем с народом, то это потому, что солдаты значили больше, чем народ; теперь для государя, кроме турецкого и египетского султанов, более важно угождать народам, чем солдатам, ибо народы теперь значат больше. Для турецкого султана я делаю исключение, потому что он постоянно окружён двенадцатью тысячами пехотинцев и пятнадцатью тысячами конников, охраняющих покой и безопасность его царства; поэтому турецкий властитель прежде всего должен поддерживать их расположение. Точно так же египетский султан зависит от солдат и должен, невзирая на отношение к нему народа, добиваться их приязни. Заметьте при этом, что власть султана отличается от всех остальных видов власти, она подобна власти римского папы, которую нельзя назвать ни наследственной, ни новой, ибо властителями и преемниками прежнего государя становятся не его сыновья, а человек, получающий власть от уполномоченных на это лиц. И поскольку обычай этот древний, речь не

может идти о новой власти, ибо здесь не встречаются присущие ей трудности, ведь если государь и новый, то государственные порядки старые, и они так же пригодны для него, как и для наследного государя.

Вернёмся, однако, к нашей теме. Всякий, кто примет во внимание вышеприведённые рассуждения, убедится, что ненависть и презрение были причиной падения названных императоров, и поймёт, почему, хотя образ действия их и бывал противоположным, некоторые из них царствовали успешно, а другие — неудачно, даже следуя тем же путём. Ведь для Пертинакса и Александра, которые были новыми государями, бесполезно и опасно было подражать Марку, который получил власть *iure hereditario*, а равным образом для Каракаллы, Коммода и Максимиана пагубно было следовать примеру Севера, ибо они не располагали той доблестью, которая требовалась, чтобы идти по его стопам. Новому государю, закладывающему основы своей власти, не нужно подражать деяниям Марка и не следует уподобляться Северу, но от последнего он должен взять то, что требуется для основания государства, а от Марка — всё, что помогает сохранить со славой прочное и уже сложившееся государство.

Глава XX. Полезны ли крепости и многое другое, к чему повседневно прибегают государи

Одни государи, дабы обезопасить своё положение, разоружали подданных; вторые сеяли раздоры в подвластных им землях; третьи вызывали нарочно против себя враждебность. Некоторые пытались привлечь к себе лиц, поначалу для них опасных; иные строили крепости; другие их разрушали и сносили. И хотя обо всех этих вещах нельзя судить определённо, пока не перейдёшь к особенностям тех положений, в которых принимаются подобные решения, я стану говорить о них настолько широко, насколько позволяет сам предмет.

Так, никогда не существовало таких новых государей, которые бы разоружали своих подданных. Напротив, если последние были безоружными, государи всегда вооружали их, ведь в этом случае они составляют твою силу: прежде ненадёжные становятся верными тебе, а прежде верные укрепляются в своей верности и из подданных становятся твоими сторонниками. А так как нельзя вооружить всех, то, отдавая предпочтение одним, ты чувствуешь себя увереннее и с другими. Эта разница в обхождении делает первых обязанными тебе, а вторые находят тебе извинение в том, что подвергающиеся большей опасности и несущие более тяжёлое бремя также и заслуживают большего. Но если ты разоружаешь подданных, это вызывает у них обиду, ибо показывает, что ты сомневаешься в них в силу своей трусости или недоверчивости; и то и другое возбуждает против тебя ненависть. А так как безоружным ты не можешь оставаться, тебе приходится обратиться к наёмному войску, о свойствах которого говорилось выше. Да и будь оно отличным, наёмников не может быть столько, чтобы защитить тебя от влиятельных врагов и ненадёжных подданных. И как я уже говорил, новый государь, только что пришедший к власти, всегда заботился об устройстве армии. История полна тому примеров. Если же государь приобретает новые владения, которые присоединяются к прежним, тогда необходимо разоружить их жителей за исключением тех, кто был на твоей стороне в ходе завоевания. Но и этих необходимо со временем ослабить и изнежить, воспользовавшись подходящими случаями так, чтобы все вооружённые силы твоего государства принадлежали только тебе и были набраны из солдат, которые жили с тобою в твоих старых владениях.

Наши предки, причём из тех, кого считали мудрецами, говаривали, что Пистойю следует удерживать с помощью партий, а Пизу — крепостей, поэтому в подчинённых им городах они сеяли раздор, дабы удобнее властвовать в них. В те времена, когда в Италии сохранялось некоторое равновесие, это могло быть и разумным, но не думаю, чтобы сегодня можно было давать подобные рецепты, ибо я не верю, чтобы раскол приносил когда бы то ни было пользу. Напротив того, когда приближается враг, разделившиеся города сразу становятся его добычей,

потому что более слабая партия всегда ищет опоры во внешней силе, а более влиятельная не может перед ней устоять.

Венецианцы, побуждаемые, как я полагаю, вышеприведёнными доводами, поддерживали в подвластных им городах вражду между гвельфами и гибеллинами*, и хотя они никогда не допускали кровопролитий, *tamen* не давали названным разногласиям затухать, чтобы граждане, занятые своими распрями, не объединились против своих хозяев. Но это, очевидно, не пошло венецианцам на пользу, ибо когда они потерпели поражение при Вайлэ, одна из партий тут же подняла голову и отняла у них власть. Таким образом, подобные приёмы указывают на слабость государя, ибо уверенная в себе власть не допустит раскола, который только в мирное время выгоден для удобства обращения с подданными; в случае же войны видна вся обманчивость этого способа.

Государи, без сомнения, обретают величие, преодолевая препятствия и трудности, встающие перед ними, поэтому когда судьба желает возвысить нового государя, который больше зависит от молвы, чем наследный государь, она посылает ему навстречу врагов и заставляет сразиться с ними, чтобы, одолев их, государь мог подняться ещё выше на ступень, подставленную ему его врагами. Многие считают даже, что мудрый государь должен при случае умышленно вызвать по отношению к себе некоторое противодействие, дабы, подавив его, прибавить себе величия.

Государям, *et praesertim** новым, были более верны и приносили бóльшую пользу те люди, которые поначалу вызывали у них подозрение, по сравнению с теми, кто и Гвельфы и гибеллины — политические партии, противостоявшие друг другу в Италии XIII–XIV веках. Гвельфы поддерживали римских пап, гибеллины — германских императоров.

И в особенности (лат.).

раньше был облечён доверием. Правитель Сиены Пандольфо Петруччи чаще использовал у себя на службе лиц, вызывавших сомнение, нежели других. Но из этого нельзя выводить общее правило, ибо всё зависит от определённого положения. Скажу только, что если поначалу враждебные к государю люди нуждаются в поддержке, чтобы сохранить за собой своё место, государь легко может привлечь их на свою сторону, и они тем вернее принуждены будут служить ему, что сознают необходимость исправить своими делами невыгодное мнение, которое сложилось о них раньше. Таким образом они принесут государю больше пользы, чем те, кто уверен в расположении государя и потому станет заботиться о его делах с меньшим рвением.

И поскольку предмет того требует, я не премину напомнить государям, получившим новые владения благодаря помощи изнутри, чтобы они внимательно вникали в причины, заставившие их помощников помогать им. И если речь идёт не о естественной привязанности к новому государю, а о недовольстве прежним, то сохранить их благорасположение будет очень трудно, потому что новому государю невозможно удовлетворить их притязания. Подробно разбирая всё на примерах, извлекаемых из современной и древней истории, причины можно увидеть в том, что новому государю куда легче снискать дружбу людей, довольных прежним положением и потому противодействовавших ему, нежели тех, кто стали его друзьями от досады и помогли ему утвердиться в новых владениях.

Чтобы обезопасить свою страну, государи всегда имели обыкновение строить крепости в качестве тормоза и узды для любого неприятеля, а также надёжного укрытия во время неожиданных нападений. Я нахожу этот обычай похвальным, поскольку он ведётся *ab antiquo**; тем не менее в наше время мы были очевидцами того, как мессер Никколо Вителли разрушил две крепости в Читтá ди Кастелло, чтобы удержать там власть. Гвидобальдо*, герцог Урбинский, вернувшись в свои владения, откуда он был изгнан Чезаре Борджиа, снёс все крепости этой провинции *funditus**; он считал, что без них будет труднее изгнать его снова. Подобным образом поступили и

Бентивольи, вернувшись в Болонью*. Таким образом, крепости могут приносить пользу в зависимости от обстоятельств; при этом, выигрывая в одном, ты теряешь в другом. Об этом можно рассуждать следующим образом. Государь, которого больше страшит собственный народ, чем чужеземцы, должен строить крепости, а тот, кто больше опасается вторжения, а не своего народа, должен обходиться без них. Дому Сфорца больше хлопот причинил и причинит ещё Миланский замок, выстроенный Франческо Сфорца, чем какие бы то ни было беспорядки. Поэтому лучшая крепость — это не быть ненавистным народу, ибо если народ тебя ненавидит, крепости не спасут; ведь если народ возьмётся за оружие, у него не будет недостатка в союзниках извне. В наши дни незаметно было, чтобы крепости принесли пользу какому-либо государю, разве что графине Форли, — после смерти её супруга графа Джироламо крепость помогла ей укрыться от ярости народа, дожидаться подкрепления из Милана и вернуть себе власть. Тогда обстоятельства С древности (лат.).

Наследники Джованни Бентивольо, у которого Юлий II отнял Болонью в 1506 году, вернулись туда в 1511 году.

До основания (лат.).

Имеется в виду Гвидобальдо да Монтефельтро.

складывались так, что чужеземцы не могли прийти на выручку народу; однако впоследствии, когда на Форли напал Чезаре Борджиа и враждебный графине народ присоединился к нему, ей не помогла и крепость. Поэтому и тогда, и прежде вернее всего для неё было бы избегать народной ненависти, вместо того чтобы уповать на крепость. Подводя итог всему вышесказанному, я могу одобрить и того, кто строит крепости, и того, кто этого не делает, но должен осудить всякого, кто, полагаясь на крепость, не станет заботиться о расположении народа.

Глава XXI. От чего зависит уважение к государю

Ничто не приносит государю такого уважения, как великие походы и необыкновенные поступки. Возьмём Фердинанда Арагонского, ныне здравствующего короля Испании. Можно считать его государем почти новым, ибо из незначительного властителя он стал самым главным и знаменитым королём христиан, и, рассматривая его деяния, вы найдёте их великими и иногда необычайными. В начале своего царствования он вторгся в Гранаду и тем самым заложил основание своего правления. Во-первых, он приступил к этому завоеванию в мирное время, и никто не мог ему помешать; при этом войной были заняты умы баронов Кастилии, которые уже не могли замыслить крамолу. Король же в это время увеличил своё влияние и власть над ними незаметным для баронов способом. Фердинанд мог набрать войско на народные и церковные деньги и в течение этой длинной войны заложить фундамент своей армии, которая впоследствии принесла ему славу. Кроме того, чтобы перейти к ещё более великим предприятиям, он прибег к благочестивой жестокости, под прикрытием той же религии, и изгнал из своих владений марранов*, почти лишив их имущества. Трудно подыскать пример столь редкой бесчеловечности. Под тем же предлогом он напал на Африку, совершил поход в Марраны — букв. «свины», так называли в Испании насильно крещённых евреев. Впрочем, на деле им, в отличие от правоверных иудеев, разрешено было остаться в Испании.

Италию, недавно вторгся во Францию, и, таким образом, он всегда вынашивал и совершал великие предприятия, которые держали в напряжении и поражали умы его подданных, ожидавших их исхода. Все эти события следовали одно за другим, так что у людей никогда не оставалось возможности в промежутке замыслить против него что-либо дурное.

Государю очень полезно также проявить себя с необычной стороны в вопросах внутреннего управления, как это делал мессер Бернабё Миланский*, — когда кто-либо из граждан совершит

из ряда вон выходящий поступок, добрый или дурной, и следует наказать или вознаградить его, причём этот приговор будет на устах у всех. Прежде всего государь должен постараться, чтобы во всех его деяниях молва видела черты человека великого и выдающегося.

Государя ценят также, если он бывает настоящим другом и настоящим врагом, то есть когда он открыто принимает чью-либо сторону в споре двух противников. Это всегда полезнее, чем оставаться нейтральным, ибо если два твоих могущественных соседа вступают в схватку, силы их бывают таковы, что победа каждого из них либо представляет для тебя опасность, либо нет. В любом случае для тебя выгоднее открыть карты и начать честную войну, ибо в первом случае, если ты этого не сделаешь, то станешь добычей победителя на радость и в утешение побеждённому, и тебе нечего рассчитывать на защиту и негде искать пристанища. Ведь победитель не нуждается в сомнительных друзьях, которые не протягивают ему руку в несчастье; проигравший же не приОн же Бернабó Висконти.

ютит тебя, потому что ты не захотел вместе с ним попытать военного счастья.

Антиоха призвали в Грецию этолийцы, чтобы изгнать оттуда римлян. К союзникам Рима, ахейцам, Антиох отправил послов с уговорами не вмешиваться в войну; римляне в свою очередь убеждали ахейцев выступить на их стороне. Решение обсуждалось на совете ахейцев, в котором посланник Антиоха призывал их оставаться нейтральными, на что римский легат возразил: «*Quod autem isti dicunt non interponendi vos bello, nihil magis alienum rebus vestris est; sine gratia, sine dignitate, praemium victoris eritis*»*.

Как правило, тот, кто не питает к тебе дружественных чувств, будет предлагать нейтралитет, а союзник потребует выступить на его стороне с оружием в руках. Нерешительные государи, желая избежать сиюминутной опасности, чаще всего избирают средний путь, и он чаще всего приводит их к краху. Но если государь смело принимает одну из сторон и тот, к кому он примкнул, побеждает, то хотя бы его могущество делало тебя полностью бессильным перед ним, он будет чувствовать себя обязанным, ибо заключил с тобой союз, а люди не бывают столь бесчестны, чтобы дать такой урок неблагодарности. К тому же не бывает настолько сокрушительных побед, чтобы выигравший не должен был считаться хотя бы со справедливостью. Если тот, к кому ты примкнул, проигрывает, всё равно он не отвергнет тебя и по мере сил станет тебе помогать, так что ты разделишь с ним его судьбу, которая снова может стать благосклонной.

«Что до их утверждений о том, чтобы вам лучше не вмешиваться в войну, то для вас нет ничего хуже: утратив достоинство, без надежды на пощаду вы станете добычей победителей». — Тит Ливий.

Во втором случае, если оба противника не могут внушать тебе опасения, тем более разумно примкнуть к одному из них, ибо при поражении ты можешь стать его спасителем, если в этом есть смысл. В случае же победы он полностью зависит от тебя; впрочем, с твоей помощью он не может не победить.

Здесь следует заметить, что государь должен заключать наступательный союз с более сильным властелином только при крайней необходимости, как сказано выше, ибо в случае победы ты оказываешься у него в руках, а государям следует всячески избегать зависимости от чужого произвола. Венецианцы соединились с Францией против герцога Миланского, хотя могли этого и не делать; этот союз привёл к их крушению. Но если этот союз неизбежен, как было с флорентийцами, когда войска папы и испанцев вторглись в Ломбардию*, тогда государь по вышеупомянутым причинам должен примыкать к нему. И пусть никто не рассчитывает принимать всегда беспроегрывные решения, напротив, лучше считать их все сомнительными, ибо это в порядке вещей. Невозможно устранить одно неудобство так, чтобы на его месте не возникло

другое, благоразумие же состоит в том, чтобы распознавать эти препятствия и избирать меньшее зло в качестве блага.

Государь должен также выказывать себя поклонником всех выдающихся доблестей и поощрять лиц, отличающихся во всяком искусстве. Кроме того, ему следует внушить гражданам, что они могут спокойно предаваться своим занятиям, как-то: торговлю, земледелию и прочим предприятиям, дабы сельский житель мог украшать своё Речье опять идёт о событиях 1512 года, которые привели к крушению республики во Флоренции.

имение, не опасаясь, что оно будет отнято, а купец — перевозить товары, не страшась налогов. Желаящих поступать так и всех, кто собирается приумножать владения и богатства государства, правитель должен вознаграждать. Ещё ему следует в подходящее время года занимать народ празднествами и зрелищами. Так как в каждом городе существуют объединения по цехам или улицам, государю следует уделять внимание этим сообществам, иной раз встречаться с ними и являть образцы щедрости и добросердечия, строго соблюдая, однако, при этом величие своего звания, ибо о нём никогда не следует забывать.

Глава XXII. О секретарях, приближённых к государям

Немаловажен для государя подбор служащих ему лиц, ибо их пригодность зависит от благоразумия правителя. Первое суждение об уме правящей особы можно составить, глядя на его окружение: если эти люди отличаются способностями и верностью, то его можно считать мудрым, ибо он сумел оценить их способности и сохранить их верность. В противном случае о государе можно составить отрицательное мнение, и первейшую ошибку он допускает при этом выборе.

Все, кто знал мессера Антонио да Венаффо, служившего государю Сиены Пандольфо Петруччи, считали Пандольфо достойнейшим человеком благодаря наличию у него такого советника. А так как существует три степени ума: первый доходит до всего сам, второй усваивает то, что поняли другие, а третий не способен ни на первое, ни на второе, и первый ум можно назвать превосходным, второй — выдающимся, а третий — никчёмным, то из этого необходимо следует, что ум Пандольфо принадлежал если и не к первой, то ко второй степени, ибо тот, кто может различить, на благо или на зло направлены слова и поступки другого, тот, даже не обладая изобретательностью, может оценить дурные и добрые дела министра, похвалить его за вторые и поправить первые. У министра же не возникнет искушения нарушить свой долг и обмануть государя.

Но для того, чтобы государь смог узнать советника, есть безошибочный способ. Когда ты видишь, что советник думает больше о себе, чем о тебе, и что во всех поступках он ищет собственной пользы, то такой советник никогда не станет хорошим, и ты не сможешь доверять ему, ибо тот, кому государь вручает власть, должен думать не о себе, а о государе и даже не поминать в беседе с ним ни о чём другом. В то же время, чтобы укрепить добрые качества советника, государь должен заботиться о нём, одаривать его богатствами и почестями, привязывать к себе, наделять почётными званиями и должностями, чтобы тот видел, что не может обойтись без государя, и чтобы избыток почестей избавил его от желания новых почестей, избыток богатства — от желания новых богатств, а избыток должностей заставил бояться перемен. И когда взаимоотношения государей и их советников таковы, они могут доверять друг другу, в противном же случае они оба плохо кончат.

Глава XXIII. Каким образом избегать льстецов

Я не хочу упустить из виду одной важной стороны дела и умолчать об ошибке, от которой государям трудно уберечься, если они не наделены глубоким благоразумием или если их выбор ограничен. Я говорю о льстецах, которыми полны все дворы, ибо люди обычно так обольщаются

на свой счёт и бывают столь самонадеянны, что эта чума их редко минует, а пытаюсь застраховать себя от неё, они подвергаются опасности вызвать презрение. Ведь защитить себя от лести можно, только дав понять, что правда, высказанная в глаза, тебя не обижает, но если каждый станет высказывать тебе правду в глаза, люди перестанут тебя уважать. Поэтому благоразумный государь должен придерживаться середины, избрав в своих владениях несколько мудрецов и позволив только им говорить себе правду, но лишь о том предмете, о котором он спрашивает, и ни о чём другом. В то же время ему следует спрашивать этих людей обо всём и выслушивать их мнения, а затем решать на свой лад. Каждому из этих советников он должен дать понять, что чем свободнее они станут высказываться, тем государю будет приятнее. А кроме них ему не следует никого слушать, он должен выполнять раз принятые решения и настаивать на их выполнении. В противном случае государя погубят льстецы или он станет переменчив в решениях из-за избытка мнений и начнёт терять уважение окружающих.

По этому поводу я хочу сослаться на один современный пример. Отец Лука*, приближённый ныне правящего императора Максимилиана, говорил о Его Величестве, что тот никогда ни с кем не советовался, но и никогда не поступал по-своему, оттого что придерживался противоположных вышеописанному правил. Император человек скрытный, он ни с кем не делится своими планами и не спрашивает чужого мнения, но когда он приступает к исполнению этих планов и они становятся ясными и очевидными, окружающие начинают их оспаривать, и император, будучи легко внушаемым, отказывается от них. Вследствие этого выстроенное за один день он разрушает на другой, никогда невозможно понять, что он желает и намеревается делать, его решения нельзя принимать в расчёт.

Итак, государю всегда следует спрашивать совета, но когда этого хочет он, а не другой. Более того, он должен отбить у всякого охоту давать ему советы, когда не спрашивают, но в вопросах не следует себя ограничивать, а правдивые ответы нужно выслушивать терпеливо и даже, если собеседник из уважения к государю станет о чём-то умалчивать, видеть в этом повод для беспокойства. И хотя некоторых государей многие почитают благоразумными не от природы, а благодаря добрым советам, которыми те пользуются, это — мнение ошибочное. Можно принять за твёрдое правило, что государь, сам по себе не обладающий мудростью, никогда не сможет придерживаться хороших советов, если только ему не попадётся такой мудрый человек, который бы во всём им руководил. Но в этом случае такой государь недолго продержался бы у власти, потому что руководитель вскоре низверг бы его. В то же время не одарённый умом государь, советуясь с разными лицами, будет получать противоречивые советы, а свести их воедино не сумеет. Из его советников каждый будет клонить в свою сторону, но он не заподозрит их корысти и не сумеет поправить дело. Иначе и быть не может, ибо люди всегда станут поступать дурно, если необходимость не принудит их к добру. Итак, следует заключить, что добрые советы, от кого бы они ни исходили, должны зависеть от благоразумия государя, а не благоразумие государя от добрых советов.

Глава XXIV. Отчего итальянские государи лишились своих владений

Вышеописанные правила, если их разумно соблюдать, уравнивают нового государя с наследственным и придают его власти большую прочность и безопасность, чем если бы она коренилась в древности. Ведь за поступками нового государя следят куда внимательнее, чем за делами наследственного, и если эти поступки отличаются доблестью, они привлекают и привязывают к нему людей гораздо больше, чем старинное происхождение. Ибо люди гораздо сильнее заняты настоящим, чем прошедшим, и если видят насущное благо, то довольствуются им и не ищут другого. И если новый государь не станет допускать промахов, они горой встанут на его защиту. Он вдвойне приумножит свою славу, если, обновив власть, укрепит и украсит её хорошими законами, хорошим войском, хорошими союзниками и образцовыми деяниями; так

же, как наследственный государь, лишившийся власти из-за своего неблагоразумия, вдвое увеличит свой позор.

Если взглянуть на тех государей, которые в наше время утратили свои владения в Италии, — таких, как король Неаполитанский, герцог Миланский* и другие, — то мы обнаружим у них прежде всего общий недостаток, касающийся устройства войска, который получил подробное описание в виду Федерико Арагонский и Лодовико Моро.

ное объяснение выше. Затем выяснится, что некоторые из них враждовали с народом либо, имея на своей стороне народ, не смогли обезопасить себя от грандов, ибо в противном случае невозможно лишиться власти, располагая достаточными возможностями, чтобы выставить в поле крепкое войско. Филипп Македонский* — не отец Александра, а тот, который был побеждён Титом Квинкцием, — не располагал обширными владениями по сравнению с римлянами и греками, напавшими на него. Тем не менее, будучи человеком воинственным и умеющим поладить с народом и защитить себя от грандов, он на протяжении многих лет выдерживал войну с этими противниками и если в конце концов лишился нескольких городов, то по крайней мере сохранил за собой царство. Поэтому пусть наши государи, которые много лет находились у власти, не сетуют на фортуны за то, что эту власть утратили; пусть винят во всём своё малодушие, ибо в мирные времена они не подумали о том, что обстоятельства могут измениться (ждать, пока грянет гром, — это общий людской недостаток), и когда настали трудные дни, они помышляли лишь о бегстве, а не о защите. Надежда этих государей состояла только в том, что народы, доведённые до крайности бесчинствами победителей, призвут их обратно. Это хорошее средство, если отсутствуют другие, но уповать лишь на него и забывать обо всех остальных довольно-таки вредно, ибо не стоит падать для того, чтобы кто-нибудь помог тебе подняться. Так не бывает, а если и бывает, то не обеспечивает тебе Филипп V (ок. 220–179 до н. э.) — царь Македонии (220–179 до н. э.), отец Персея Македонского. Во время Первой Македонской войны (215–205 до н. э.) завоевал часть Иллирии, во время Второй Македонской войны (200–197 до н. э.) был разбит римлянами, в союзе с этолийцами и жителями о. Родос, при Киноскефалах, в результате утратил все свои завоевания. В 191 году до н. э. был союзником Рима против Антиоха III.

безопасности, потому что это способ защиты людей малодушных и несамостоятельных. Только опираясь на собственные силы и на собственную доблесть, можно хорошо, прочно и надёжно защитить себя.

Глава XXV. Насколько дела человеческие зависят от фортуны и как можно ей противостоять

Мне неизвестно мнение, которого придерживались и придерживаются многие, о том, что течением мирских дел целиком управляют судьба и Бог* и люди, опираясь на своё разумение, не только не могут изменить его, но и не могут никак на него повлиять. Отсюда можно было бы сделать вывод, что не следует особенно упорствовать в делах, а предпочтительнее всё предоставить велению случая. Это мнение особенно распространилось в наше время вследствие великой переменчивости обстоятельств, которая всякий день опровергает все людские ожидания. Обдумывая это, я иной раз в какой-то степени склоняюсь к названной точке зрения. Тем не менее, дабы не подавлять нашей свободной воли, я допускаю истинность утверждения, что судьба наполовину распоряжается нашими поступками, но другую половину, или почти столько, оставляет нам. Я уподобляю её бурной реке, которая, расвирепев, затопляет долину, крушит дома и деревья, выхватывает в одном месте глыбы земли и переносит их на другое. Всё уступает и бежит перед стихией, не в силах ей противостоять. И хотя реки выказывают таким образом свой норов, это не означает, что в тихую погоду люди не могут позаботиться о его Это слово отсутствует в одном из манускриптов трактата (т. н. Чарлтон-парк).

обуздании с помощью плотин и прочих сооружений, благодаря которым разлившаяся река будет отведена каналом в другое русло и её натиск не окажется таким бурным и губительным. Так же

обстоит дело и с судьбой: её могущество проявляется там, где доблесть не готова ей противостоять, поэтому фортуна обрушивает свои удары на то место, где она не ожидает встретить сдерживающих её плотин и запруд. И если вы обратите свой взгляд на Италию, ставшую ареной и источником названных перемен, то она представится вам равниной, лишённой каких бы то ни было плотин и преград, а если бы её ограждала подобающая доблесть, как Германию, Испанию и Францию, то наводнение не затронуло бы её или хотя бы не привело к таким потрясениям. Сказанного довольно о противостоянии судьбе в целом.

Переходя теперь к подробностям, замечу, что мы можем наблюдать, как сегодня какому-то государю сопутствует успех, а завтра — падение, хотя он нисколько не изменил своих природных качеств. Я думаю, это происходит, прежде всего, вследствие пространно обсуждавшихся выше причин, а именно потому, что государь, целиком полагающийся на удачу, гибнет из-за её переменчивости. Я полагаю также, что успех сопутствует тому, кто соразмеряет свой образ действий с обстоятельствами момента; не везёт же тому, кто не умеет идти в ногу со временем. Ведь люди по-разному продвигаются к тем целям, которые стоят перед ними, то есть к славе и богатству: один действует осторожно, другой напористо; один прибегает к силе, другой — к искусству; один предпочитает выжидать, другой поступает противоположным образом, и каждый из этих путей может вести к цели. Но если взять двух осторожных людей, то один из них добивается желаемого, а другой нет; равным образом бывает, что успех сопутствует двум людям разного склада, и осторожному, и напористому, а происходит это от того, что обстоятельства времени благоприятствуют образу действий каждого из них. Вот почему, как я говорил, действуя по-разному, два лица могут прийти к одному результату, а из двух других, действующих одинаково, один достигает цели, а другой нет. От этого зависит и переменчивость блага, ибо когда кто-то руководствуется осторожностью и терпением, а время и обстоятельства этому благоприятствуют, он процветает. Если же время и обстоятельства меняются, этот человек гибнет, поскольку сохраняет свой прежний образ действий. И нет людей настолько благоразумных, чтобы они могли приспособиться к этому, как потому, что трудно изменить склонности своей натуры, так и потому, что человек, всё время преуспевающий на одной стезе, не решается с неё сойти. Так что человек осторожный, когда нужно идти напролом, неспособен на это и терпит крах. А если бы он изменил свою природу вместе со временем и обстоятельствами, его участь осталась бы прежней.

Папа Юлий II во всём действовал напористо, а время и обстоятельства настолько способствовали его образу действий, что исход его предприятий был всегда счастливым. Возьмите первую его вылазку в Болонью, в бытность там мессера Джованни Бентивольи. Венецианцы смотрели на это неодобрительно, так же как и король Испании; с Францией папа вёл переговоры по этому поводу, и тем не менее, побуждаемый своим неукротимым буйным нравом, он выступил в поход лично. Этот поступок привёл в замешательство Испанию и венецианцев; на последних он нагнал страху, а испанский король выжидал, желая завладеть всем королевством Неаполитанским. В то же время французский король перешёл на сторону папы, ибо, видя, что тот начал действовать, и намереваясь вступить с ним в союз против венецианцев, он не мог отказать ему в подкреплении, не нанеся папе явной обиды. Таким образом, папа Юлий своим порывом добился того, чего никогда не добился бы любой другой папа со всей доступной человеку премудростью. Ибо если бы он не отважился выступить из Рима, пока не будут заключены все договоры и улажены все обстоятельства, как поступил бы всякий другой папа, то остался бы ни с чем, ведь французский король нашёл бы для себя множество оправданий, а другие внушили бы ему множество страхов. Я не стану говорить о других деяниях Юлия, во всём подобных первому и всегда завершавшихся удачей; недолговечность этого папы не позволила ему вкушать горьких плодов, а если бы наступило время, требующее осторожности, то оно принесло бы его падение, ибо он ни за что не отступил бы от образа действий, подсказанного его натурой.

Итак, я заключаю, что непостоянство фортуны и привязанность людей к их обычному образу действий приводят к тому, что согласным с ней сопутствует везение, а несогласным — неудачи. Я полагаю всё-таки, что лучше быть напористым, чем осмотнительным, потому что судьба — женщина, и чтобы одержать над ней верх, нужно её бить и толкать. В таких случаях она чаще уступает победу, чем когда к ней проявляют холодность. И как женщина, она склонна дружить с молодыми, потому что они не столь осмотнительны, более пылки и смелее властвуют над ней.

Глава XXVI. Воззвание к овладению Италией и освобождению её из рук варваров

Когда, рассмотрев все вышеизложенные обстоятельства, я задаю себе вопрос, не пришло ли время для нового государя в Италии и найдётся ли в ней материя, которой муж благоразумный и доблестный мог бы воспользоваться для придания ей формы с почётом для себя и на благо всех жителей, то склоняюсь к выводу, что трудно себе представить более благоприятный для нового властителя момент. И если, как я уже говорил, доблесть Моисея могла проявиться только благодаря египетскому рабству народа Израиля, величие души Кира стало заметным, когда персы были притеснены мидянами, а мужество Тезея — когда афиняне пребывали в смятении, то и сейчас, чтобы познать доблесть духа итальянцев, необходимо было увидеть Италию в её теперешнем состоянии, — большей рабой, чем были евреи, сильнее угнетённой, чем персы, и в большем смятении, чем афиняне: обезглавленной, охваченной смутой, поверженной, опустошённой, разграбленной, отданной на поругание и испытавшей все беды. И хотя до сего дня можно было видеть кое-какие проблески, свидетельствующие о том, что некто избран Богом для её спасения, потом, однако, судьба отвергла его в самую решающую минуту*. И вот, едва живая, Италия ожидает того, кто исцелит её раны, положит конец разорению Ломбардии, взиманию поборов с Королевства и Тосканы и излечит её от язв, столь застарелых. Как молит она Бога ниспослать избавителя от варварских обид и жестокостей! Сколь велика её готовность встать под одно знамя, только бы кто-то его поднял! И не на кого больше ей теперь надеяться, как на ваш сиятельный дом, каковой благодаря своей удаче и доблести, благоволению Бога и Церкви, ныне управляемой его представителем*, может стать во главе её избавления. Это не так уж трудно, если вы обратитесь к деяниям и жизни вышеназванных мужей. И хотя это люди редкостные и необыкновенные, всё же они были людьми, и ни один из них не находился в обстоятельствах столь благоприятных, как нынешние: ведь их дело не было более правым или легче осуществимым, и на помощь Бога они могли рассчитывать не больше, чем вы. Речь идёт о великой справедливости: *«lustum enim est bellum quibus necessarium, et pia arma ibi nulla nisi in armis spes est»**. Велико также стечение удобных обстоятельств, а там, где способствуют обстоятельства, не может быть великой трудности, вам довольно будет лишь следовать обычаю тех, кого я предложил в качестве образца. Кроме того, наблюдается беспримерное количество необыкновенных событий, ниспосылаемых Богом: море расступилось, туча обозначила в нём дорогу; из камня пролилась вода; небеса исторгли манну — всё предвещает ваше возвеличение. Остальное зависит от вас. Бог не желает брать на себя всё, дабы не лишить нас свободы воли и той части славы, которая принадлежит нам.

Папой Львом X Медичи, взошедшим на престол в 1513 году.

«Ибо война справедлива для тех, кому необходима, кто не может без неё обойтись, и священно оружие, в котором заключена вся надежда». — Тит Ливий.

Вовсе не удивительно, что ни один из упоминавшихся итальянцев не приблизился к той цели, которой, как можно надеяться, достигнет ваш сиятельный дом, и что опыт стольких переворотов и военных действий в Италии склоняет к выводу о полном угасании её военной доблести. Причина в том, что стародавние её обычаи не были хороши, новых же никто не сумел придумать, а ведь ничто так не украшает правление нового мужа, как новые законы и порядки, введённые им. Если они основательны и грандиозны, то приносят ему уважение и восхищение; в Италии же довольно

материи, которой можно придать любую форму. Отдельные части её исполнены доблести, каковой недостаёт наверху. Посмотрите на поединки и мелкие стычки — насколько итальянцы превосходят всех силой, ловкостью и умом. Но в многочисленном войске эти качества не проявляются. Всё дело в слабости вождей, ибо каждый считает себя всезнающим и не подчиняется более умелому, и до сих пор никому не удалось с помощью своей доблести и удачи убедить других уступить. Вот отчего во всех войнах за последние двадцать лет любое войско, составленное целиком из итальянцев, сражалось всегда неудачно. Об этом свидетельствуют битвы при Таро, затем при Александрии, Капуе, Генуе, Вайлэ, Болонье, Местри*.

Итак, если ваш сиятельный дом желает последовать примеру выдающихся людей, принёсших своим народам избавление, то прежде всего необходимо заложить фундамент всякого успеха, — обеспечить себе собственное войско, ибо не может быть более верных и надёжных и вообще лучших солдат. И хотя каждый из них будет хорош сам по себе, вместе они станут много лучше, когда увидят своим предводителем собственного государя, награждающего и поддерживающего их. Поэтому, дабы со всей итальянской доблестью защищаться от чужеземцев, нужно обзавестись таким войском. И хотя испанская и швейцарская пехота на всех наводит ужас, и та и другая имеют недостатки, так что третий род пехоты мог бы не только противостоять, но и нанести им поражение. Ведь испанцы боятся кавалерии, а швейцарцы не выдерживают натиска пехоты, если он будет столь же упорным, как их собственный. Как показал и будет показывать впредь опыт, испанцев сокрушает французская кавалерия, а швейцарцы поддаются испанской пехоте. И хотя это последнее предсказание целиком ещё не исполнилось, однако нечто подобное наблюдалось во время битвы при Равенне, когда испанская пехота сошлась с немецкими батальонами, сохраняющими такой же строй, как у швейцарцев. Испанцы, благодаря своей ловкости, под защитой щитов с шипами проникли между вражескими пиками и безнаказанно расправлялись с немцами, которые не могли ничего поделать и были бы перебиты до единого, если бы конница не опрокинула испанцев. Таким образом, зная недостатки той и другой пехоты, можно создать третью, которая могла бы защититься от коней и не боялась бы пеших; это был бы новый род войска, изменяющий боевые порядки. Как раз подобные нововведения и придают новому государю уважение и величие.

Итак, не следует упускать представившуюся возможность и лишать Италию, после стольких бедствий, её избавителя. Трудно выразить, с какой любовью был бы он встречен жителями тех областей, которые пострадали от нахлынувших захватчиков, с какой жадой возмездия, упованием, верой, слёзами! Какие двери не открылись бы перед ним? Какой народ отказал бы в подчинении? Чья зависть ему бы помешала? Кто из итальянцев не пошёл бы за ним? Всем претит господство варваров. Пусть ваш сиятельный дом приступит к исполнению этого долга с той твёрдостью и надеждой, с какой приступают к праведным деяниям, тогда под его стягом возродится достоинство Родины и с его помощью исполнятся слова Петрарки:

Доблесть против смуты

Вооружится для недолгой брани,

Ведь срывает путы

Храбрость, что живёт в итальянском стане.*

Петрарка. Канцона «Моя Италия».

Примечания

Медичи Лоренцо ди Пьеро (1492–1519) — герцог Урбинский, правитель Флоренции в 1513–1519 годах.

Сфорца Франческо (1401–1466) — граф, кондотьер, в 1441 году женился на дочери Филиппо Марии Висконти; после его смерти воевал на стороне Амброзианской республики, учреждённой в Милане; в 1450 году провозгласил себя герцогом Миланским.

Имеется в виду Фердинанд Католический.

«Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» — предположительно речь идёт о 18 первых главах, которые могли быть написаны до «Государя». Впрочем, упоминание о «Рассуждениях» могло быть и более поздней вставкой в готовый текст «Государя».

Например (лат.).

Имеются в виду два герцога Феррарских — Эрколе I д'Эсте (1431–1505), герцог Феррарский (1471–1505), потерпевший поражение от Венеции в «соляной» войне в 1484 году, и его сын Альфонсо I.

Речь идёт о Лодовико Моро.

Турецкий султан Мехмед II, который перенёс свою столицу в завоёванный им в 1453 году Константинополь.

Карл VIII находился в Италии с августа 1494 года по июль 1495 года, Людовик XII — с 1499 года по 1512 год.

Форли Катерина (Риарио Сфорца) — графиня (1463–1509), побочная дочь Галеаццо Марии Сфорца, с 1477 года жена Джироламо Риарио; вторым браком жена известного кондотьера Джованни Медичи. В 1499 году Макиавелли был послан к ней для переговоров о найме её сына, кондотьера Оттавиано Риарио, на службу Флоренции.

Имеется в виду Александр VI Борджиа.

Романья — область на северо-востоке Италии, которой владели византийцы, лангобарды, римские папы. В начале XVI века Чезаре Борджиа с помощью папы Александра VI попытался создать здесь собственное княжество.

Король сменил неаполитанского короля Федерико I Арагонского на Фердинанда Католического.

Александр VI разрешил Людовику развестись с Иоанной Французской, сестрой Карла VIII, и жениться на его вдове, Анне Бретонской, а также сделал кардиналом первого министра короля, Жоржа Д'Амбуаза, архиепископа Руанского.

Санджаки — территориальные округа.

Примером служат (лат.).

Однако (лат.).

Лично (лат.).

Только (лат.).

Даже (лат.).

Для царствования ему не доставало только царства (лат.).

Орсини — римский знатный род, с которым враждовали папы в Средние века. Колонна — римский дворянский род, с которым враждовали многие папы.

То есть в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия»; это место можно истолковать в пользу того, что работа над ними и «Государем» шла параллельно.

Претор — судебный чиновник, помогавший консулу (консул — высшая правительственная должность в Риме с 509 года до н. э.); у латинов то же, что консул.

Гамилькар Барка — карфагенский полководец, участник Первой Пунической войны; усмирил мятеж ливийских наёмников 241–238 годов до н. э.; погиб в 229 году до н. э.

Сенат — высший государственный совет в Риме, состоявший из нескольких сот представителей знатных (патрицианских) родов. В императорскую эпоху сохранял формальное значение. Сенаторы носили титул «отцов».

Наконец (лат.).

Не только (лат.).

Оливеротто да Фермо (Эвфредуччи) — кондотьер, тиран города Фермо в Романье с декабря 1501 года; убит 31 декабря 1502 года в ловушке, устроенной Чезаре Борджиа для своих противников в Сенигаллии.

Вителли Паоло — сын Никколо, кондотьер Флоренции в войне с Пизой, казнён за измену 1 октября 1499 года.

Вителли Вителлоццо — сын Никколо, в 1502 году разжёг мятеж в Ареццо против Флоренции; участник заговора против Чезаре Борджиа в том же году, захвачен им в плен и казнён.

Гранды — современное Макиавелли обозначение знати.

К тому же (лат.).

Грахи — братья-трибуны из плебейского рода Семпрониев.

Скали Дж. — один из правителей Флоренции после подавления восстания чесальщиков шерсти — чомпи; за тиранические устремления обезглавлен в 1382 году.

Во время «соляной войны» 1482–1484 годов на стороне Феррары были папа Сикст IV, герцоги Урбинский и Мантуанский. В результате войны Феррара стала независимой от Венеции.

Под «новым способом» подразумевается продажа церковных должностей.

С помощью мела, которым квартирьеры французской армии помечали дома для постоя. Эту фразу приписывали папе Александру VI.

Намёк на Джироламо Савонаролу.

Сфорца Муцио Атендоло (1369–1424) — кондотьер, основатель династии.

Хоквуд Дж. — кондотьер на службе Флоренции с 1377 года; умер в 1393 году.

Браччо да Монтоне (Андреа Фортебраччо) (1368–1424) — один из известнейших кондотьеров Италии.

На самом деле — Бартоломео Коллеони и Никколо Орсини.

Вайлá, или Аньяделло — местечко, при котором войска Венеции были разбиты Камбрейской лигой 14 мая 1509 года. В результате Венеция лишилась большинства своих владений на материке.

Альберико да Барбиано, граф Кунео (Конио) — кондотьер.

В битве с французами при Равенне 11 апреля 1512 года.

Иоанн VI Кантакузин (ок. 1293–1383) — император Византийской империи (1341–1354). В борьбе с политическими противниками опирался на турок-османов и позволил им укрепиться на европейском берегу.

Карл VII (1403–1461) — французский король (1422–1461), успешно закончил Столетнюю войну (1337–1451). В 1435 году создал регулярные войска из пехоты и кавалерии, так называемые ордоннансные роты, распущенные Людовиком XI. Подчинил французскую церковь власти короля.

Людовик XI (1423–1483) — французский король (1461–1483), боровшийся с крупными сеньорами, после смерти Карла Смелого в 1477 году присоединил Бургундию; присоединил также Анжу, Прованс и другие земли.

Среди дел человеческих нет ничего более шаткого и преходящего, чем слава не опирающегося на собственные силы могущества (лат.). — Тацит. «Анналы». Перевод А. С. Бобовича, с изменением.

Филопемен (253–183 до н. э.) — стратег Ахейского союза, успешно воевал против Спарты и в 192 году добился её вхождения в союз. Попал в плен при Мессане и был казнён (отравлен).

Король Франции — Людовик XII (ум. в 1515).

Фердинанд Католический.

Макиавелли посвятил в своё время этим событиям, как и в случае с мятежом в Ареццо, записку «Сообщение о сделанном Флорентийской республикой для примирения партий в Пистойе» (1501).

«Злая судьба с новизной державы меня принуждают так поступать и хранить широко окраины стражей» (лат.). — «Энеида». Перевод А. Фета.

Легат — в римском войске помощник полководца; позднее командир легиона. В Средние века — посол папы.

По его желанию (лат.).

Имеется в виду Фердинанд Католический.

Бентивольи Аннибале — дед современника Макиавелли Аннибале, сын Джованни II, кондотьер, вместе с братом правил в 1511–1512 годах, убит в 1445 году.

Двоюродный дядя Джованни Бентивольи, Санти, управлял Болоньей до 1462 года.

Популяры — народная партия в Риме; Макиавелли использует это название и для современной ему Флоренции.

Юлиан Марк Дидий (133–193) — император, правил 66 дней в 193 году после Пертинакса, купив власть у преторианцев за 25 тыс. сестерциев.

Так в тексте оригинала.

Гелиогабал Марк Аврелий Антонин (204–222) — император (218–222), жрец сирийского бога солнца Элагабала; убит преторианской гвардией.

Александр Север Марк Аврелий (208–235) — император (222–235), последний из династии Северов, убит вместе с матерью Юлией Маммеей во время мятежа Максимиана.

По праву наследования (лат.).

Как бы (лат.).

Центурион — командир среднего звена в римском войске.

Префект — начальственная должность для управления различными административными и военными единицами и ведомствами.

Гвельфы и гибеллины — политические партии, противостоявшие друг другу в Италии XIII–XIV веках. Гвельфы поддерживали римских пап, гибеллины — германских императоров.

И в особенности (лат.).

С древности (лат.).

Наследники Джованни Бентивольо, у которого Юлий II отнял Болонью в 1506 году, вернулись туда в 1511 году.

До основания (лат.).

Имеется в виду Гвидобальдо да Монтефельтро.

Марраны — букв. «свиньи», так называли в Испании насильно крещённых евреев. Впрочем, на деле им, в отличие от правоверных иудеев, разрешено было остаться в Испании.

Он же Бернабó Висконти.

«Что до их утверждений о том, чтобы вам лучше не вмешиваться в войну, то для вас нет ничего хуже: утратив достоинство, без надежды на пощаду вы станете добычей победителей». — Тит Ливий.

Речь опять идёт о событиях 1512 года, которые привели к крушению республики во Флоренции.

Лука Ринальди — приближённый Максимилиана I, епископ.

Имеются в виду Федерико Арагонский и Лодовико Моро.

Филипп V (ок. 220–179 до н. э.) — царь Македонии (220–179 до н. э.), отец Персея Македонского. Во время Первой Македонской войны (215–205 до н. э.) завоевал часть Иллирии, во время Второй Македонской войны (200–197 до н. э.) был разбит римлянами, в союзе с этолийцами и жителями о. Родос, при Киноскефалах, в результате утратил все свои завоевания. В 191 году до н. э. был союзником Рима против Антиоха III.

Это слово отсутствует в одном из манускриптов трактата (т. н. Чарлтон-парк).

Предполагают, что речь идёт о Чезаре Борджиа.

Папой Львом X Медичи, взошедшим на престол в 1513 году.

«Ибо война справедлива для тех, кому необходима, кто не может без неё обойтись, и священо оружие, в котором заключена вся надежда». — Тит Ливий.

Перечисление поражений итальянских армий, начиная с 1494 года.

Петрарка. Канцона «Моя Италия».